

МАРГО АРНЕЛЛ

ПОЛУНОЧНАЯ
ВЕДЬМА

Звезды молодежного фэнтези

Марго Арнелл

Полуночная ведьма

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7 Сое)-44

Арнелл М.

Полуночная ведьма / М. Арнелл — «Издательство АСТ»,
2022 — (Звезды молодежного фэнтези)

ISBN 978-5-17-150354-3

Вопреки наследию матери, легендарной полуночной ведьмы, Морриган Блэр вступает на путь рассветного колдовства и охоты за головами колдунов-отступников. Все меняется, когда погибает ее сестра. Чтобы провести темный ритуал и вернуть Клио к жизни, Морриган спускается в Пропась — сокрытый под землей город полуночных ведьм и колдунов. Ее проводником становится отступник Дэмьен Чейз, чьи глаза вспыхивают алым, стоит Морриган лишь прикоснуться к нему. Вскоре она понимает, что тайн у него не меньше, чем татуировок. С каждым днем Клио все глубже погружается в мир теней, но Морриган не намерена сдаваться. Ведь полуночные ведьмы так просто не умирают...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-150354-3

© Арнелл М., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Часть I	6
Глава 1. Ведьма-охотница	6
Глава 2. Возвращение	10
Глава 3. Тьма и тени	15
Глава 4. Душа, вырванная из оков	19
Глава 5. Леди Ворон	26
Глава 6. Юдоль Печали	33
Глава 7. Окраины	38
Глава 8. Дэмьен Чейз	44
Глава 9. Сделка с демоном	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Марго Арнелл

Полуночная ведьма

© Марго Арнелл, 2022

© mistilteinn, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Моему самому главному читателю.
Моей маме*

Часть I

Глава 1. Ведьма-охотница

Запах полыни бил в ноздри – стойкий, навязчивый и при этом не ощутимый никем, кроме нее. Настороженная, Морриган сжала в руках плеть-молнию – хлыст, по воле владельца мгновенно превращающийся в сокрушительный искровой разряд.

Как рассветным колдунам удалось не просто подчинить себе стихию, но и заключить ее силу в плеть, одной только Дану известно. Богиня-мать явно не желала, чтобы рассветную стихийную магию использовали в качестве оружия: призванный огонь гас, едва коснувшись человеческой кожи, осколок льда не мог вонзиться в сердце подобно кинжалу. Молнией никто из ныне живущих и вовсе не умел управлять. Кроме таинственных колдунов, создавших главный атрибут охотников и охотниц.

Несмотря на *особые* таланты в своем арсенале, Морриган с хлыстом не расставалась. Ей нравилось, как это выглядит со стороны. Девушка, которая держит в руках прирученную молнию... разве не зрелищно?

Взгляды ранних пташек скользили по плеть-молнии и белой коже ее костюма. Зачарованный, а потому вполне практичный, он эффектно контрастировал с черным цветом глаз и волос. Появление Морриган здесь, в захудалом городишке на севере Ирландии, означало лишь одно: у кого-то из местных жителей серьезные неприятности.

Забавно, как, едва завидев ее, вздрагивали редкие прохожие. Как торопливо сворачивали в ближайший проулок, на ходу перестраивая привычный маршрут. След из тэны вел не к ним, тогда почему люди спешили скрыться, будто приписывая себе чужие грехи? Даже если за закрытыми дверями они позволяли себе баловаться полуночным колдовством низшего порядка, Морриган явилась не по их душу. А значит, эти забавы слишком невинны, чтобы привести к их порогу Трибунал. Или его охотницу.

Многие наемники (особенно те из них, что отличались силой мускулов, но не ума) отчаянно пытались понять, отчего Трибунал раз за разом предпочитал обращаться именно к ней, девятнадцатилетней охотнице. А ведь одно это словосочетание для большинства ее прожженных, попидавших жизнь собратьев звучало как оскорбление. Обладая узким мышлением, туза в рукаве Морриган они не замечали. Или предпочитали не замечать. Что ж, это исключительно их проблемы. Пока они упражнялись в остроумии, избрав Морриган мишенью, она упорно шла к своей цели – однажды (желательно задолго до того, как ее призовет мир теней) стать лучшей охотницей Ирландии.

Морриган остановилась напротив ряда жмущихся друг к другу невысоких домиков, выкрашенных в белый и серо-зеленый цвет и увенчанных двускатными черепичными крышами. Шумно втянула носом воздух: запах полыни стал сильнее. Чуть запрокинув голову, взглянула на светлеющее небо. Занимался рассвет – время Дану. Морриган мысленно произнесла короткое воззвание к ней и почувствовала приток живительной силы, блаженным теплом пронесшийся по венам.

Совсем некстати в памяти всплыло красивое, вечно молодое лицо матери. Что сказала бы Бадб, узнав, что с недавних пор ее дочь по утрам исправно взывает к Дану, богине *рассветных* ведьм? Обвинила бы в лицемерии? Или в предательстве? И так ли уж она оказалась бы неправа?

Морриган с досадой поморщилась. Даже в ее мысленном споре Бадб умудрялась одерживать верх.

Напомнив себе, что матери (к счастью) нет рядом, а дело не ждет, она вынула из сумки *осколок истины* – заговоренный кусок разбитого зеркала. Вместилище рассветной силы. Для любого, кроме привязанной к нему ведьмы, он был бесполезен. Если не сказать хуже. Заглянувший в чужой осколок обрекал себя на жестокое проклятие – семь лет напастей, горестей и бед.

Ни Трибунал, ни собратья-наемники (и снова, к счастью) не подозревали, что осколка у Морриган два. Она и сама не знала, зачем по-прежнему хранит полуночный осколок, через который когда-то заглядывала в мир теней. Отныне она выведывала тайны исключительно через мир живых. И все же что-то останавливало Морриган от уничтожения полуночного осколка, который был важной частью ее прошлого. Она усмехнулась иронии, проскользнувшей в собственных мыслях: темное прошлое – темный осколок.

Разум сделал странный кульбит, и в памяти всплыл их старый дом в Кенгьюбери. Рука невольно потянулась к амулету зова. «Не сейчас», – одернула себя Морриган. Потерять концентрацию для ведьмы – приговор, а такой оплошности она никогда себе не позволяла.

В отражении осколка на уровне глаз Морриган видела всю ту же стену домов, омытых бледными лучами солнца. Однако магия истины проявила и нечто иное, чужеродное: рассеянную пыльцу темной энергии, складывающейся в нечеткий шлейф. Тэну.

Существовало немало гипотез о том, что вызывало появление тэны – остаточного следа полуночных чар. Одни считали, что тэна – это вытянутая из мира теней мертвая энергия, которая не приживалась в мире живом, а значит, прямое свидетельство использования полуночных чар. Другие объясняли умение видеть тэну изменением человеческой генетики, хотя до сих пор большинство людей не обладали подобными способностями и «цвета» магии не различали. Существовало и еще более дерзкое объяснение, будто каждого человека при рождении повитухи-целительницы помечали невидимыми метками, чтобы в будущем Трибунал мог отслеживать применение им полуночных чар.

Как бы то ни было, и наемникам, и блюстителям порядка тэна служила серьезным подспорьем в охоте на колдунов-отступников. Однако нужны были годы, чтобы научиться распознавать ее, а с ними – и умение расфокусировать зрение, рассеять и перестроить его. В их лагере были хорошие следопыты, за долгие годы развившие в себе способность идти по следу тэны. Морриган не из их числа. Ведьминская сущность позволяла ей не столько видеть тэну, сколько улавливать ее запах. Горький и тревожный аромат полыни.

И все же перед теми, кому не давалось чтение следов, у нее было очевидное преимущество: осколок, собственноручно зачарованный рассветной магией истины. Очередной туз в рукаве. Однако сейчас Морриган чувствовала себя гончей, полагаясь не на видимый шлейф тэны, а на ее запах.

Охота привела ее к дому, на первый взгляд неотличимому от остальных. Но только на первый взгляд. Вместо обычной печати, украшающей двери доброй половины Ирландии, осколок показал ей легкую примесь крови. Полуночная печать.

Кто-то очень хотел оставить свои тайны при себе.

Морриган знала быстрый способ сломать печать, и что-то внутри, всего на мгновение, едва не одержало над ней вверх. С этим соблазном – призвать магию, что была яростнее, разрушительнее... сильнее, в конце концов, – ей приходилось иметь дело каждый день.

«Нет, – сказала она себе, проклятой двери, печати, миру. – Нет».

Она дала слово и не собиралась его нарушать.

На рассветную магию кровавая печать реагировала медленно, неохотно. Не в силах разорвать звенья, Морриган была вынуждена изменять их. Изгоняла кровь колдуна, выжигая ее светом и создавая рисунок, который легко могла взломать слепленным из энергетического импульса ключом. Не прошло и нескольких минут, как печать была сорвана.

Свет, как всегда, победил.

Усмехнувшись этой мысли – довольно наивной и спорной, надо сказать, – Морриган с ноги открыла дверь. Всегда мечтала это сделать. Обычно мешало то, что колдуны-отступники предпочитали вершить свои темные дела как можно дальше от городских стен и портал-зеркал. Либо содеянное под наплывом эмоций (ярость часто провоцировала всплеск полуночной силы) гнало их прочь из города. Туда, где, по мнению беглецов, Трибунал с его охотниками до них не доберутся.

Стоило ли говорить, как жестоко они ошибались?

Морриган вошла в дом, пахнувший полынью, что для нее было почти равноценно запаху смерти. Колдуна-отступника звали Даррен Келли. Список прегрешений короток и вполне стандартен: призывал магию из мира теней и использовал ее во зло. Дальше, однако, интереснее. В качестве пропуска в царство фоморов и их короля Балора, Даррен, за неимением родовых талантов и способностей к магии, использовал кровь. Вот только в отличие от большинства колдунов не свою.

Кровавых колдунов презирали даже в не самом уважаемом обществе отступников. Все же многие полуночники, обратившиеся к шаманизму, вуду, ноктурнизму или веретничеству, постигали колдовскую науку ценой колоссальных усилий, посвятив ей большую часть жизни. Кровавые колдуны выбирали легкий путь. Они питали своей кровью темных существ мира теней, в обмен получая жалкие крохи их сил. Одурманенные ощущением сопричастности к магии, порой они увлекались настолько, что навсегда уходили в мир теней, перед силой которого так преклонялись. Проще говоря, умирали.

Даррен оказался практичнее большинства кровавых колдунов, а потому сначала таинственным образом исчез его брат, который по слухам, собранным младшими агентами Трибунала, измывался над ним с самого детства. Затем отец, который всегда заступался за старшего сына, при этом вовсе не замечая младшего.

Морриган не сомневалась, что тел в доме Даррена не найдет. Впрочем, заказы, которые Трибунал давал охотникам, не требовали от них доказательств вины колдуна. Расследования – для законников, агентов Департамента, который тоже, кстати, находился под пятой Трибунала. Столь загадочное разделение обязанностей настораживало Морриган, но вопросов она, как и другие охотники, не задавала. Каждый, кого она преследовала по заказу Трибунала, носил клеймо полуночной, смертельно опасной для окружающих, магии. А значит, каждый из них был виновен. Этого ей было достаточно.

Главное, настойчиво гнать от себя мысль, что при ином раскладе охотники Трибунала однажды оказались бы и на ее пороге.

В дом Даррена Морриган ворвалась посреди очередного ритуала. В осколок истины не заглядывала, но прекрасно представляла, что в нем бы увидела. Тэна густилась в воздухе – легкие наполнила полынная горечь. Даррен, находясь в трансе (наверное, получал плату от мира мертвых), стоял на коленях посреди комнаты. Отросшие темно-рыжие волосы падали на щеки, почти скрывая глаза. Он выглядел очень молодо, лишь на пару лет старше. Другого Морриган и не ожидала. В силу молодости многие из кровавых колдунов порывисты, импульсивны и жадны до магии, которую мир теней мог им дать.

Даррен дернулся, вероятно, наконец получив подсказку от слуг Балора. Морриган дала себе секунду, чтобы насладиться ужасом в расширяющихся глазах. Выхватив плеть-молнию, послала разряд. Сотканная из электрических искр нить оплела запястье колдуна. Он зашипел от боли, отшатнулся назад и прокричал заклинание, призывая фоморов из мира мертвых. Видимо, надеялся, что те заступятся за своего кормильца. Может, так бы и случилось, однако теньевые тропы для демонов Балора еще нужно было проложить. А для этого надо быть чуть сильнее.

Не сводя с Даррена глаз, Морриган медленно сокращала расстояние. Поигрывала хлыстом, отчего тот со змеиным шипением соприкасался с полом. Догадываясь, что кровавый кол-

дун сделает в следующее мгновение, она не выпускала рассветного осколка из руки. Даррен не разочаровал. Отчаявшись получить помощь от фоморов, он выкрикнул заклинание, которое Морриган не узнала. Очевидно, его однажды в качестве платы нашептал колдуну мир теней.

Она стремительно выставила вперед осколок, покрытый тонкой сетью отражающих чар. Заклинание сгустком тэны врезалось в него... и обратилось против своего создателя. Глядя в отражение, словно в окно, за которым таился скрытый от человеческих глаз мир тонких материй, Морриган наблюдала, как энергия мира теней – полуночная энергия – наполняет Даррена, просачиваясь сквозь кожу. Он захрипел и вытаращил глаза, от помертвевшего лица отхлынула краска. Какую бы кару ни приготовил кровавый колдун для Морриган, та настигла его самого. В отражении осколка его жизненные нити казались хлипкими, словно вот-вот порвутся... но нет. То ли заклинание получилось слабым (что вполне вероятно), то ли Даррен был на редкость живучим, однако умирать он не собирался.

Морриган не имела ничего против. Она не приветствовала убийства без необходимости. Охота на отступников представлялась ей эдакой игрой в хищника и жертву. Рано или поздно, наигравшись, кошка прихлопнет лапой мышь, однако в своем собственном сценарии роль карающей длани Морриган отводила Трибуналу.

Прошептав «*Istos arachnis*», она сплела рассветное заклинание. Воздух сгустился и стал липким, словно сладкая вата, пальцы перевила тонкая воздушная нить. Морриган опутала ей руки колдуна и, на всякий случай, залепила рот. Пойманные отступники были весьма изобретательны в оскорблениях и проклятиях.

Благодаря встроенному в портал-зеркала прямому пути в резиденцию Трибунала не прошло и часа, как она сдала закутанного в паутинный кокон Даррена в руки трибунов. Без косых взглядов со стороны околачивающихся неподалеку коллег, конечно же, не обошлось. Уязвленное самолюбие оставляло глубокие раны, и для опытных охотников она была хуже занозы под ногтями. Мелкая с виду помеха, но, если не вытащить – загниет. Сложно смириться с тем, что какая-то малолетка, которая так и не научилась обращаться ни с освященным силой Дану мечом, ни с пистолетом, уводила у них из-под носа самые прибыльные заказы.

Морриган всегда интересовало: знают ли они, чья она дочь? Или недоверие ко всем ведьмам без исключения, даже рассветным, у охотников в крови?

Уже уходя, она услышала за спиной «чертова ведьма». Голос принадлежал Карлу, наемнику, с которым у нее имелись давние счеты. Морриган развернулась, сверкая ослепительной и опасной улыбкой.

– Ведьма – да. А за чертову можешь и ответить.

Ее внешняя расслабленность была обманчива, однако Карл не дурак начинать драку в резиденции Трибунала. Верней, дурак, но не настолько. Он пробормотал что-то неразборчивое и отвернулся. Пожав плечами, Морриган ушла.

Дверь захлопнулась, маски спали. Мысль, которая все это время терзала ее, даже задвигнутая силой воли в самые дальние уголки сознания, впиалась в мозг. Морриган сжала амулет зова. Так сильно, что в какой-то момент заныла рука.

«Клио, прошу, отзовись».

Глава 2. Возвращение

Осенью Кенгьюбери – город, покинутый Морриган Блэр пять лет назад, – был особенно красив. Но сегодня ей не до ностальгии.

Морриган стиснула в ладони амулет зова. Гладкий и прохладный, он, казалось, вот-вот лопнет под ее напором, словно перезрелая вишня. Сестра не откликнулась.

«Клио, это я».

Тишина.

Морриган чертыхнулась. Сколько они не общались? Неделю? Две? Больше.

«Балрог тебя забери».

Она злилась вовсе не на Клио, лишь на саму себя. Сестра знала, что лишний раз беспокоить Морриган не стоит. В момент вызова та могла плести заклинание, скручивать очередного отступника или идти по следу. Отвлекать ее было строго-настрого запрещено. Они давно договорились: Морриган сама вызывает Клио. Конечно, когда вспоминает о необходимости поддерживать связь с младшей сестрой.

Вина – словно яд на кончике иглы, а иглой была тревога. Морриган выдохнула, заставляя себя успокоиться.

Страж междугороднего портал-зеркала сжал ее руку и скользнул пальцами по коже, проводя невидимую черту от запястья до локтя. Под чарами истины проявился стройный ряд вытатуированных кельтских символов. Страж внимательно проверил личные данные Морриган – имя и присвоенный Трибуналом ранг охотницы.

– А, вольная, – поморщился он.

«Да, и на ваших изнеженных городских ни капли не похожа».

Не нужно быть эмпатом, чтобы понять всю глубину неодобрения стража. Впрочем, далеко не он один горел неистовым желанием поведать Морриган о своем отношении к вольным. Некоторые ограничивались снисходительными взглядами или покачиванием головы, а из других так и выплескивалась желчь.

Самое любопытное, что к опытным охотникам за головами – ярчайшим представителям касты вольных – большинство людей относилось с уважением, практически равняющим их с законниками. А вот молодых вольных, даже охотниц, чаще воспринимали как досадное недоразумение, эдаких неоперившихся птенцов, которые вздумали поиграть в героев и воинов. Наверняка считали, что они путаются под ногами старших и лишь создают тем помехи.

Вот они, двойные стандарты во всей красе.

– Знаю я таких, как ты. Обиженные на судьбу сиротки, одичавшие, озлобившиеся, словно выброшенные на улицу щенки.

Зло сощурив глаза, Морриган выдернула руку. На этот раз ей попался явно недовольный жизнью экземпляр. То ли жена от него ушла, то ли ужин подгорел, то ли дочь полуночной ведьмой стала. На кончике языка вертелось множество ядовитых реплик разной степени цензурности. Однако в Кенгьюбери ее привело дело. Она не собиралась терять время на препирательства.

«Мне всего девятнадцать, я свободна и вольна делать все, что захочу, и быть там, где захочу. Ты подчиняешься мэру и всем, кто по званию выше тебя, и застрял тут на веки вечные», – мстительно подумала Морриган. Вслух же подчеркнуто сухо осведомилась:

– Я могу идти?

– Иди, – буркнул страж.

Мощные улочки города украшали золотисто-багряные ковры из опавших листьев, которые, повинувшись чарам городских рабочих, вот-вот превратятся в пыль. После них останутся лишь медленно гаснущие в воздухе золотистые искры. Обычно Морриган нравилось наблю-

дать за красочным процессом распада – явлением таким же естественным, как сама жизнь. Но чем ближе она подходила к дому сестры, тем больше мрачнела. Тем сильнее – глупо, конечно, и совершенно бессмысленно – сжимала в руках амулет зова, раз за разом воскрешая в памяти образ Клиодны. Сестра не откликалась.

Очередная попытка самоуспокоения с треском провалилась. Сердце – или же присущая ведьмам обостренная интуиция – подсказывало: что-то случилось. В душе поднялась волна тревоги, заглушая все прочие чувства, смывая раздражение от разговора со стражем. С Клио что-то произошло, теперь Морриган знала это наверняка.

Она готовилась вспомнить полузабытое плетение-ключ для рассветной печати на двери, однако та оказалась открыта. Дом семьи Блэр, в котором последние годы жила одна Клио, встретил ее тишиной и прохладой. И незаметной для глаз простых обывателей тэной, заполнившей все вокруг, словно черный туман. Морриган сглотнула, глядя в рассветный осколок. Тэна... Откуда она здесь?

С детства избрав путь света, Клио не сходила с него. Она не интересовалась полуночной магией, просто их мать смогла принять это далеко не сразу. Даже рассветную зеркальную, так почитаемую старшей сестрой, Клио отвергала. Боялась однажды ненароком перешагнуть опасную грань, на которой сама Морриган балансировала с трудом. Грань, за которой магия становится запрещенной. И все это несмотря на принадлежность к семье Блэр, заслужившей особую репутацию и широко известной среди ведьм.

А значит, есть лишь два варианта: либо что-то спровоцировало Клио на полуночные чары, либо на нее напал тот, кто их практиковал.

Гостиная. В узком плафоне порхала разбуженная сущность света, на стеклянном журнальном столике стояла чашка с остывшим чаем – излюбленным напитком Клио. Экфовизора у сестры не было – фильмам, спектаклям и шоу она предпочитала книги, которыми был доверху набит ее шкаф.

Что ни говори, а сестры Блэр выбрали разные судьбы. Морриган стала вольной в четырнадцать лет: бросила школу и отправилась в лагерь Картрай, где обучали охотников и охотниц. Несколько месяцев ее натаскивали, а затем вместе с группой старших наемников послали отлавливать отступников. Работа в команде длилась три года, но стало ясно, что ей куда комфортней в роли одиночки. Только так Морриган достигала наилучших результатов. Ей самой это казалось вполне закономерным. Пока держишься за чью-то юбку, пока тебя прикрывает чья-то спина, пока кто-то думает и действует за тебя, самодостаточной личностью не станешь.

Клиодна – приверженец старых традиций. Она продолжала учебу в школе и была одной из лучших ее учениц. Что, впрочем, совсем не удивительно. Несмотря на пропасть различий между членами семейства Блэр, имелось у них и кое-что общее: желание во всем и всегда быть лучшим.

Младшая сестра Морриган (в этом году ей исполнялось семнадцать) собиралась поступить в институт и получить нетипичную для потомственной ведьмы профессию врача. Стоит ли говорить, что Бадб, глава семейства, ее решение не одобряла?

Чутье привело Морриган в спальню. В светильниках бесновались сущности света, кровать не заправлена, на столе – остатки обеда. Кончиком пальца она коснулась овощного пюре. Холодное. Взгляд выцепил новую, прежде не замеченную деталь: разбитое зеркало на стене в дальнем конце спальни. Трещины черной паутиной покрывали всю его поверхность. Клио защищалась? Или зеркало разбили чары нежданного гостя? Где тогда она сама?

Все остальные предметы в комнате оказались целы. Если не считать незастеленной кровати и остатков еды на столе, в спальне царил порядок. Застыв посреди комнаты, Морриган прикрыла глаза. Что могло здесь случиться? Кому могла помешать скромница Клио – олицетворение доброты, искренности и жизнелюбия?

Не успела она додумать последнюю мысль, как хлопнула входная дверь. Морриган потянулась к ремню с закрепленной на нем плетью. Ее инстинкты были обострены до предела, и она успела бы воспользоваться оружием, но вовремя удержала порыв призвать искусственную молнию.

Первое, что бросилось в глаза – вошедший был облачен в черное пальто с серебряной нашивкой агента Департамента. И только потом Морриган осознала, кто предстал перед ней, держа в вытянутой руке револьвер. Выдержка помогла сохранить лицо и остаться внешне невозмутимой, хотя в желудке на какое-то мгновение поселилась щекочущая пустота.

За время, что они не виделись, он возмужал. Кроме того, судя по нашивке, успел прикнуться к «цепным псам Трибунала» и дослужиться до младшего инспектора. Темно-русые волосы были аккуратно, волосок к волоску, уложены, голубые глаза смотрели с нескрываемым изумлением. Николас Куинн – лучший друг детства, а ныне – агент Департамента полиции... и почти незнакомый молодой мужчина.

Надо сказать, его новая должность стала для Морриган полной неожиданностью. Либо Клио не говорила о нем (что вряд ли), либо подобного рода новости она просто пропускала мимо ушей (что вероятнее всего).

– Морриган? – сорвалось с его губ удивленное.

– Ник, – спокойно кивнула она. – Что ты здесь делаешь?

Он нахмурился, отточенным движением возвращая револьвер в кобуру.

– Ищейки унюхали... в смысле, почувствовали исходящую из дома тэну. Отправили запрос. Я как только увидел адрес, вызвался проверить. Не знал, что ты в городе.

– Только сегодня переместилась, буквально несколько минут назад.

Повисло неловкое молчание. Неужели когда-то они могли болтать часами напролет?

– Что-то успела найти? – деловым тоном осведомился Ник.

– Что-то странное с зеркалом. Оно треснуло, но не расколосось и не осыпалось на пол. Скорее всего, воздействие чьих-то чар: или Клио, или того, кто здесь побывал. Печать на двери нетронута, защитный барьер – тоже, и не похоже, чтобы его вообще кто-то касался. Возможно, Клио впустила гостя сама. Больше ничего, кроме плотного облака тэны. Но это ты, разумеется, и сам видишь.

Ник вдумчиво кивнул.

– Вижу. Клио говорила тебе что-нибудь?

– Именно поэтому я здесь, – хмуро бросила Морриган. – Клио убеждала, что все в порядке, но по лицу и голосу я догадывалась, что это не так. Во время нашей последней беседы она сильно нервничала. Призналась, что иногда чувствует, будто за ней кто-то наблюдает. Потом рассмеялась, сказала, что это глупости, что у нее просто буйное воображение. Но ты же знаешь, Клио никогда не волновалась по пустякам. Думаю, она что-то подозревала, только не сочла нужным поделиться со мной.

Ник хмуро огляделся по сторонам, словно ожидая, когда Клио с криком «Разыграла!» выскочит из ближайшего шкафа. Подойдя к треснувшему зеркалу, он вынул из кармана пальто стопку бумаги размером с игральную карту. Зажал один лист между ладонями и взгляделся в кривое зеркальное отражение. Как только он отнял руку от покрытой спектром бумаги, на ней тут же проявилось изображение – точно та же картинка, которую мгновение назад запечатлело его сознание. Внимательно изучив спектрографию, Ник положил ее в прозрачный пакет. Методично запечатлел кровать, стол и окно, и карман пополнился новыми изображениями.

– Зачем это? – не выдержала Морриган.

Она была лишь поверхностно знакома с работой полиции, и в любое другое время не стала бы ничего менять. Однако сейчас речь шла о Клио.

– Иногда экспертам удается распознать использованные чары – благодаря вызванным тэной колебаниям воздуха, которые искажают окружающее пространство.

– А, чтицы, – поморщилась Морриган.

Отмахнулась от мысли о том, как сильно сейчас ее тон похож на пренебрежительный тон стража, узнавшего о том, что она вольная.

Ник хмыкнул, искоса взглянув на подругу детства.

– Клио говорила, ты теперь тоже используешь рассветную магию истины. – «Рассветную» он выделил особенно.

Морриган повела плечом, не желая объяснять разницу между штатными чтицами и ею, истинной зеркальной ведьмой. Ник посерьезнел, между бровей пролегла складка.

– Если честно, что-то мне подсказывает, что в этот раз на спектрографии чтицы ничего не обнаружат. Исхожу из того, что в рисунке тэны вижу я сам.

Спектрографии эти, надежда на чтиц... Морриган начала раздражаться, кожей ощущая, как утекает драгоценное время.

– Ты видишь След? – не выдержав, спросила она.

Людей с более чутким восприятием, а значит, умением отличать полуночную магию от рассветной, во всем мире существовало не так уж мало. Куда меньше тех, кто среди облака тэны мог отыскать След – призрачный шлейф, который при должном мастерстве следопыта мог привести к полуночному колдуну. Именно таких чаще всего вербовали в охотники и агенты Департамента и Трибунала. И раз к двадцати трем годам Ник дослужился до младшего инспектора, он должен быть неплохим следопытом.

Он мрачно покачал головой.

– След рассеян, прости. Но я сделаю все возможное, чтобы отыскать Клио. – У порога Ник на мгновение задержался. Проронил, не оборачиваясь: – Я рад, что ты обратилась к свету.

– Ой, иди ты, – вспылила Морриган, но дверь уже беззвучно закрылась.

Полностью положиться на Ника и бездействовать? Увольте. В детстве они дружили, но достаточно ли этого, чтобы полиция бросила все силы на поиски Клио? Морриган не могла так рисковать, не могла отдать судьбу сестры в чужие руки. Да и сидеть без дела не умела.

Она скинула на стол кожаную сумку с длинным ремешком, которую носила через плечо. Выудила оттуда полуночный осколок истины и тонкие свечи, аккуратно сложенные в картонную коробку.

Рассветная магия проявляла далеко не все.

Жизнь и смерть всегда были неразрывно связаны, неотделимы друг от друга, как две части змеи, что кусала себя за хвост. Мир теней накладывал отпечаток на мироздание, оставлял в мире живых свой след. Чтобы тайное стало явным, оставалось только этот след разглядеть.

Зеркальные колдуны пользовались уважением благодаря достаточно редкому и весьма непростому в освоении дару. Во всяком случае, это касалось дара полуночных зеркалиц и зеркальников. Никому не под силу переубедить Морриган в том, что рассветная магия истины до смешного проста. Силой Дану рассветная энергия окутывала все живое пространство. Даже не слишком сильные рассветные ведьмы могли различить линии жизни, пронизывающие и людей, и горы с реками, и деревья с цветами, и самый крохотный лепесток, что было важно для природных ведьм и друидов¹.

А вот заглядывать в мир теней и пытаться разгадать его знаки – все равно что пытаться говорить со смертью на ее языке. Трудно сказать, насколько тяжело далось Морриган умение читать мир живых через призму мира мертвых. С одной стороны, это было так же легко и естественно, как дыхание. С другой – потребовались долгие годы, чтобы научиться дышать... так.

---

¹ Друид – жрец, чья магия неразрывно связана с природой. Умеют понимать животных, управлять погодой и ростом растений. Чаще всего живут в обособленных общинах вместе с лесными ведьмами. Как и лесные ведьмы, друиды – исключительно рассветные колдуны, так как сила в них от самой Дану.

Растерев воздух между большим, указательным и средним пальцем, Морриган разожгла искру. Прикоснулась к фитилю свечи, и мгновение спустя на нем заплясало пламя. Она помедлила, прежде чем поднести зажженную свечу к осколку. «Я не использую полуночную магию, – напомнила Морриган самой себе. – Лишь ее касаюсь».

Для большинства богобоязненных фанатиков даже мельком брошенный в мир теней взгляд – преступление против Дану. Дескать, мир смерти должен оставаться там, за завесой, как это было когда-то, века назад. Что ж... хорошо, что их здесь нет.

Поднеся зажженную свечу на уровень глаз, Морриган заглянула в мир теней сквозь полуночный осколок. Незримо путешествуя по Вуали, она надеялась увидеть то, что скрыто от глаз обычных людей. Отпечаток, знак, символ – что-нибудь, что даст понять, где искать Клио.

Реальность превзошла все ее ожидания.

Сначала не происходило ничего особенного. Будто густой слой сажи, окружающее пространство в отражении покрывала тэна. Подобное происходило всякий раз на месте действия полуночных чар. Мир теней молчал: вглядываясь в искаженное отражение мира живых, Морриган не замечала ничего необычного. Пока взгляд не упал на испещренное трещинами зеркало у стены, которое привлекло ее внимание, едва она перешагнула порог спальни. Закаленная охотой на отступников и самыми жуткими последствиями их чар, Морриган почти разучилась и бояться, и удивляться. Но то, что предстало глазам, ее потрясло.

Там, на дне зеркальной глади, отраженной осколком истины в ее руке, застыла... Клио. На нежном лице – шок. На тонкой шейке – амулет зова и простая серебристая цепочка с трилистником, оберегом для защиты и удачи, который когда-то подарила ей Морриган.

Не помог.

Это была не сама Клио. Вернее, не ее тело, а эфемерное подобие, энергетический слепок, видимый лишь в мире теней. Душа Клиодны Блэр, запертая в треснувшем зеркале, словно муха в янтаре.

Глава 3. Тьма и тени

Она все-таки здесь, в Кенгьюбери.

Клио иступленно закричала: «Морри!» Не в первый и не в последний, наверное, раз. Замолотила бы по зеркалу, существуй оно в этой реальности. Но здесь была лишь пугающая чернильная мгла и тишина, что прерывалась зовущими голосами. Да и в руках не осталось прежней силы, что отличала мертвых от живых.

Отныне она – лишь еще одна из сонма духов, блуждающих в мире теней.

Тьма за ее спиной была живой и... голодной. Клио не оборачивалась, но постоянно чувствовала бегущий по позвонкам холодок.

«Как это возможно? Разве душа может чувствовать? Фантомные ощущения?»

Отрешенные мысли прирожденного исследователя – или же истинной представительницы семейства Блэр – сменились горячей, удушающей волной паники.

– Морриган!

«Не оставляй меня здесь. Пожалуйста, не оставляй!»

«Она не услышит тебя».

Был ли это ее собственный внутренний голос или шепот одного из духов, Клио не знала, но, протестуя, закричала громче:

– Морри!

Сестра смотрела на нее сквозь завесу широко раскрытыми глазами. В них, полуночных, плескался ужас, который едва вязался с образом Морриган. Не каждый день видишь запертую в зеркале душу младшей сестры.

Клио раз за разом прокручивала тот злополучный полдень, пытаясь понять, что же случилось... и могла ли она это предотвратить. Уроки в школе, дорога, быстрый обед... Детали словно тонули в тумане. Она ощутила нечто странное, некую чужеродную силу, проявившуюся в одно мгновение. Шагнула к зеркалу, по которому пробежала рябь...

Морриган подобной легкомысленности никогда бы себе не позволила.

А потом темнота... и ни малейшего проблеска боли. Только холод, идущий откуда-то изнутри, прорезающие тишину голоса и чернильная пустота без конца и без края. Такой, во всяком случае, она казалась на первый взгляд. А еще чудом сохранившееся окно – замочная скважина, через которую Клио могла заглядывать в мир живых. Напомнивший о себе после ее смерти родовой дар зеркалицы.

Отсюда, из зеркала, ставшего мостом между двумя мирами, Клио не видела улицу, а потому не знала, сколько дней – или бесконечно долгих часов – минуло.

Зато она увидела Морриган.

Сестра, что ворвалась в дом хищной птицей, выглядела еще жестче, еще решительнее, чем прежде, а она и в детстве мягким характером похвастаться не могла. Алая помада, подведенные темным глаза. Как и прежде, Морриган отвергала естественность и скромность, будто ежечасно бросая вызов окружающему миру, желая одним своим появлением стереть его безликость, взорвать серость и пустоту. Истинная аристократка с тонкими чертами, и вместе с тем... истинная ведьма: тяжелая волна черных волос ниспадает на спину, черные глаза, обычно холодные и бесстрастные, горят на побледневшем лице. Клио казалась самой себе лишь тенью старшей сестры, ее юной и выцветшей копией... Что же, теперь об этом можно не волноваться.

Следом появился Ник. Прерывисто вздохнув, Клио прильнула к зеркалу, словно к биноклю² на смотровой площадке Кенгьюбери. Тревога на его лице казалась такой чуждой... Он и впрямь так сильно волновался за нее?

---

² Бинокль – стационарный бинокль с купюроприёмником.

Когда-то они дружили, все трое. Ник, в детстве – сама неугомонность, россыпь шуток, проказ и невинных подтруниваний. Клио, радостно хохочущая над любой, даже самой нелепой его шуткой. Всегда серьезная Морри, которая при любом подходящем и совершенно неподходящем случае напоминала, что «она, как-никак, потомственная полуночная ведьма». И хотя Ник на четыре года старше, именно Морриган была вожаком их маленькой стаи. На редкость суровым и упрямым, надо сказать, вожаком – из тех, с кем лучше согласиться, чем затевать все равно обреченный на провал спор.

Дружба распалась, когда Морриган стала вольной. Пока она училась в школе охотников и путешествовала по провинции, выполняя наемничьи заказы, Ник пошел по стопам отца, став агентом Департамента. Пускай в последние пару лет они и отделились друг от друга, пусть встречались лишь пару раз в месяц, да и то случайно, наспех обмениваясь улыбками и банальными фразами, Клио всегда была рада его видеть. Даже сейчас, когда их разделяла зеркальная стена.

Иногда казалось, что в мире существовало два Николаса Куинна. Один – улыбчивый, никогда не унывающий молодой мужчина в потертых джинсах и хлопковой рубашке с небрежно закатанными рукавами, что неизменно притягивала внимание Клио к его рукам. Тем, что больше подошли бы пианисту, нежели детективу. Привлекательный парень с вечно растрепанными густыми волосами, в которые так и хотелось запустить пальцы.

Другой – педант, чинный, деловитый агент, так непохожий на проказливого мальчишку, которым он был когда-то. Случалось, Клио сталкивалась с Ником, идущим по следу. Плотнo сомкнутые губы, прорезавшаяся складка меж темных бровей, цепкий взгляд, скользкий по ней и не замечающий, потому что не она была его целью. В такие моменты он напоминал охотничьего пса или тихого, но опасного хищника. *Такому* Нику она старалась не мешать.

И все же казалось, что этот образ – от носков начищенных ботинок до кончиков приглаженных волос – Ник, *ее* Ник, доставал из гардероба, встряхивал и надевал перед работой. Прятал за безупречной маской мальчишескую улыбку, которая, заставляя ее сердце сбиваться с ритма, выдавала его молодость и легкий нрав. Боялся, наверное, что коллеги посчитают его слишком несерьезным. Быть может, такой образ необходим, когда в двадцать три ты уже младший инспектор. И без того многие считали, будто Ник стал агентом исключительно благодаря отцу, в прошлом – главе Департамента, а после его смерти продвинулся по карьерной лестнице по протекции его друзей. А не потому, что был прекрасным следопытом.

Но тот, первый Ник, что был старым другом, а не почти незнакомцем, увидев Клио, всегда останавливался, чтобы немного поболтать. Спросить, что у нее нового, как она справляется, как ее учеба, словно заботливый старший брат. Знал бы он, что Клио не желала видеть его своим братом. Точно не им.

За спиной раздался голосок. Тонкий, слабый, он все же заставил ее вздрогнуть.

– Иди к нам...

Клио обхватила себя руками за плечи. Сейчас она казалась себе такой слабой! Будь на ее месте Морриган, уже давно бы разорвала Вуаль ко всем демонам, перевернула бы мир теней вверх дном, прорубила бы в нем тоннель... но выбралась. Клио подавила желание затравленно обернуться. Толку-то? Чем ее слабая рассветная магия может помочь здесь, в мире вечной полуночи?

– Стань одной из нас...

Шептали не души. Тени. Жалкие отголоски душ, что бродили на нижних планах мира теней, недоступных даже таким сильным полуночным ведьмам, как Морриган. Какой *была* Морриган в свои четырнадцать лет.

Клио нервно теребила спутавшиеся светлые волосы, глядя в пустоту, заменившую окно в мир живых. Портал-зеркало, ставшее для нее, увы, односторонним. Она не отрывала взгляда от комнаты в шаге от себя. От комнаты, что осталась в ином, живом мире. От учебников в

книжном шкафу, оказавшихся теперь бесполезными. В мире теней ей пригодились бы совсем иные знания – те, которых она всю жизнь старалась избегать.

– Идем со мной.

А в этом голосе слышалась жизнь – потерянная, но не забытая. Свежая душа, новая гостья потустороннего мира, готовая отправиться в путь – навстречу покою, что неотделим от забвения.

Клио боялась оторвать взгляд от комнаты. Боялась, что, потеряв зрительный контакт, разорвет протянутую между ними тонкую ниточку, и комната, последний фрагмент ее прошлой жизни, исчезнет. И все же стрельнула глазами в сторону души. Отчего-то стало светлей, хоть источника Клио обнаружить не сумела. Тусклый свет, разлитый нигде и всюду, будто вшитый в окружающий полумрак, позволил разглядеть рыжие волосы и усеявшие лицо веснушки. Чистокровная ирландка, дитя солнца, оказавшаяся в царстве темноты. Кажется, или свет исходил от нее?

– Идем со мной, – настойчиво повторила она.

– Не могу, – сдавленно проговорила Клио.

Рыжая незнакомка скорбно поджала губы.

– Придется. Не знала раньше, а теперь чувствую: когда-нибудь придется уйти.

Когда-нибудь – это уже что-то. Это уже не «сейчас», а значит...

– Я подожду. Морри... Моя сестра... Она что-нибудь придумает.

– Ты надеешься обмануть смерть? – хохотнула рыжая.

Почудилось, тьма за спиной Клио рассмеялась тоже. Надменно, неискренне. Придвинулась ближе, разевая голодный рот, и света на их островке стало меньше.

«У семьи Блэр непростые отношения со смертью».

Клио прерывисто вздохнула. Невозможно быть дочерью Бадб и не знать хоть немного о мире теней, что ожидает тебя за гранью. Даже если тебе всего шестнадцать, и твоя мечта – стать врачом – никоим образом не связана с магией.

Карты разложены на незримом столе, и теперь ей предстоял нелегкий выбор. С помощью матери привязать себя к живому миру, зная, что до самого конца она так и останется для него чем-то чуждым, инородным. Что пребывание среди живых будет сопряжено с болью и неумолимым тиканьем невидимых часов, отсчитывающих время до неизбежного возвращения в мир мертвых.

Отказавшись от полуночной магии, что нитями прошьет ее душу, можно навсегда остаться в этом доме. Тенью, видимой лишь для таких, как Морриган, полуночных ведьм-зеркалиц. Ощущаемой лишь такими, как Ник. И провести безликую жизнь в облике тени – эха, отголоска себя прежней.

Или же уйти на глубину, чтобы там обрести покой.

«Я не готова. Прости меня, Дану, за такую банальность! Но я правда еще не готова».

– Я просто хочу поговорить с сестрой в последний раз, – упрямо прошептала Клио.

Вот только что сказать Морриган, она еще не придумала. «Я тебя люблю»? Неловкая, неудобная для них обеих правда.

Плавное движение хрупких плеч, скрытых светлым платьем.

– Как хочешь. Меня она все равно не спасет.

Рыжая скользнула взглядом по пространству, в которое так упорно всматривалась Клио. Для нее Морриган останется невидима: этот осколок живого мира сшит с душой Клио, а потому открыт только ей одной.

– Удачи, – после недолгого молчания сказала она.

Когда Клио обернулась в следующий раз, рыжей уже след простыл.

Она стиснула руки, от накатившей волной острой тоски царапнула ногтями по ладони. Не слишком болезненно, но... неприятно. Прикрыла веки и, сосредоточившись, представила боль

в виде отдельного от души элемента. Представила, как чья-то белая, обьятая мягким свечением рука погружается в плоть и вырывает его из груди. Это казалось правильным, естественным и совсем не страшным.

Духи ведь не могут испытывать боль.

Выдохнув, Клио вонзила ногти в ладонь, и... ничего не почувствовала.

«Кукла, – подумалось ей. – Мертвая кукла».

Испугавшись, она вернула боль в эфемерное тело. Потерянно взглянула на замершую по ту сторону зеркала Морриган.

– Не уходи, – лишившись последних сил, прошептала Клио.

– Не уходи, – вторили тени.

Сестра протянула руку, и мир вдруг потух, как будто в комнате перегорели все лампочки и погасли все сущности света.

– Нет!

Зеркало – мост между мирами – исчезло. Осталась только Клио – душа с фантомным отголоском боли.

И голодная тьма.

Глава 4. Душа, вырванная из оков

Руки, сжимающие осколок и свечу, задрожали. Из горла вырвался сдавленный всхлип. Морриган зажмурилась и стояла так, мысленно отсчитывая секунды. От одной до бесконечности – пока страх, боль и ярость не перестанут рвать душу. В какой-то момент поняла, что не дождется. Оставалось одно: запрятать эмоции в непроницаемый, непробиваемый кокон. Клио нуждалась в помощи хладнокровной охотницы, умелой ведьмы, а не сходящей с ума от беспокойства старшей сестры.

Она осторожно приблизилась к зеркалу, через осколок истины глядя на его отражение в мире теней. Всмотрелась в лицо той, что казалась застывшей между двумя мирами – миром мертвых и миром живых. Миловидное лицо сердечком, широко распахнутые глаза цвета морской волны. Обеих сестер природа и материнские гены наградили черными волосами, но Клио упорно красила их в жемчужно-платиновый блонд разрешенной Трибуналом иллюзорной магией. Да так искусно, что никто и не догадывался, что этот цвет волос ей не родной.

Тот самый случай, когда облик идеально отражал истинную сущность, таким нехитрым способом словно проводя между сестрами черту. Клиодна – мягкая, нежная, отзывчивая, мечтающая спасти чужие жизни, оставалась на светлой стороне, тогда как Морриган, охотница за головами и практикующая ведьма, балансировала на тонкой грани между тьмой и светом.

– Что с тобой сделали? – прошептала она, ледяными пальцами касаясь зеркальной глади. Касаясь щеки того, что было слепком, отражением ее сестры.

Казалось, какая-то неведомая сила затянула Клио в зеркало. Но если там, внутри, ее душа, то где же тогда искать тело?

Безмолвная Клио в зазеркалье не могла дать ответ, но и оставлять сестру пойманной в клетку Морриган не желала. Отставила свечу и положила осколок на пол таким образом, чтобы в нем отражалась Клио. Прикрыв глаза, соткала из воздуха прочную сферу, магией холода отшлифовала стенки, чтобы та стала видимой, напоминающей стеклянный шарик.

Сжимая в руке филиakterий³, дитя союза простейших рассветных чар, Морриган протянула руку к зеркалу.

– Anam sa roino.

Отдельные элементы заклинания на пракельтском звучали как «душа», «из» и «граница». Душа, вырванная из оков – так Морриган его перевела.

Зеркало с хрустом ломалось, опадая осколками на пол, высвобожденная энергия Клио тонкой эфемерной дымкой перетекала в сферу. Удостоверившись, что вытянула всю до последней капли, Морриган сростила осколки, придавая зеркалу первоначальный вид. На случай, если в дом нагрянут агенты Департамента.

Призвав на помощь магию истины, она тщательно и неспешно изучила филиakterий. Спустя час сдалась, так и не сумев понять, что за чары заточили Клио. Плохой знак, если учесть, что Морриган была не кем иным, как зеркалицей. А значит, тот, кто затянул душу Клио в зеркало, в обращении с ними был куда искуснее сестер Блэр.

Морриган не слишком доверяла спиритуалистам. Хотя стоило признать, список людей, которым она могла всецело довериться, состоял всего из двух имен: Клио и... Морриган Блэр. Однако сейчас она нуждалась в помощи того, кто способен заглянуть в чужую душу, провести ниточку от нее в мир теней и помочь ей *услышать* сестру.

Все, что так или иначе связано с миром теней, а значит, со смертью, относилось к магии полуночной. А потому с поисками подходящей кандидатуры Ник, законопослушный

---

³ Филиakterий – зачарованный сосуд для хранения магической энергии (в том числе полноценных заклинаний), человеческой души или ее осколков.

слуга Департамента, помочь ей не мог. Пришлось перетряхнуть старые связи, погребенные под пылью прожитых вдали от Кенгьюбери лет, и отыскать спиритуалиста самостоятельно.

Удивительно, но колдун принимал посетителей не где-нибудь на окраине города или и вовсе в печально известных Ямах, а в так называемом деловом квартале – «стеклянном сердце» столицы графства Колуэр. Морриган странно чувствовала себя среди стоящих поодаль, будто чужающихся друг друга стеклянных высоток. Броские, холодные, они были так не похожи на остальную часть Кенгьюбери – лабиринты склеенных в сплошную стену аккуратных прямоугольных домов, не вырастающих выше трех-четырех этажей.

Здесь в большинстве своем зарабатывали на жизнь не только рассветные колдуны и ведьмы, но и люди вроде Клио. Те, кто отказывался иметь к магии хоть какое-то отношение. Большинство из них либо с детства бесталанны, либо полны дурацких предубеждений. Главное из них: стоит только обратиться к магии, и продиктованное любопытством желание превратится в неутолимую жажду. А там и до полуночной магии недалеко – а значит, и судьбы человека, вечно преследуемого Трибуналом.

Может, в этом и была доля истины. Может, магия – и впрямь вечный соблазн. Но на что людям дана сила воли?

Брови сами собой взлетели вверх, когда Морриган увидела, чем официально занималась контора спиритуалиста Лукаса МакМурри. А именно продажей охладителей из решетчатого пластика с запечатанной в них рассветной магией, создающей в комнате легкий ветерок. Достаточно бесполезное устройство, если учесть, что подобными стихийными чарами в городе владел каждый третий.

Морриган одобрительно хмыкнула. Выходит, никаких магических шаров, свечей и спиритических досок?

МакМурри не понравился ей с первого взгляда, даром что о нем ходила молва как о самом лучшем специалисте по «связям с обще... с ушедшими в мир теней». Слишком белые, явно крашенные, волосы, слишком скуластое, даже близко не ирландское, лицо, покрытое золотистым загаром. Иностранцам Морриган доверяла еще меньше, чем всем остальным. А еще у МакМурри был на редкость нелепый для сорокалетнего (на вид) наряд: линялые дражные джинсы, сквозь которые просвечивала загорелая кожа, обтягивающая футболка с ярким абстрактным принтом (Морриган мысленно охарактеризовала его словом «мазня») и модные белые кроссовки, которые ожидаешь увидеть на одноклассниках Клио.

Имя сестры впилося в разум колючей проволокой, напоминая, зачем она здесь. Уж точно не для порицания чужого (без сомнения, ужасного) вкуса.

МакМурри провел пятерней по волосам и нарочито небрежно засунул ее в карман джинсов. Морриган на всякий случай поискала взглядом человека, более подходящего на роль спиритуалиста, но, если не считать их двоих, контора оказалась пуста.

– Интересуют наши охладители?

Морриган на мгновение ослепила белоснежная улыбка.

– Даже близко нет. Скорей, дополнительные услуги.

Спиритуалист тут же посерьезнел. Даже руку из кармана вытащил.

– Как я могу быть уверен, что тебе можно доверять?

Рассветная магия его не убедит – многие агенты Трибунала владеют ею. Нужна именно полуночная. «Ну, мне не привыкать», – с усталым раздражением подумала Морриган.

Столько лет сторониться полуночных чар, чтобы теперь призывать их одни за другими. Но если эта та цена, которую придется заплатить, чтобы отыскать убийцу Клио... или даже просто услышать ее голос...

Она взяла в руки осколок, огненным касанием зажгла свечу. Подойдя к МакМурри, оплела ниточкой тянущейся из зеркала полуночной энергии часы на его запястье. Прошептала:

«Farto moralia». Часы, оставшись в отражении осколка, с руки спиритуалиста исчезли. МакМурри, хмыкнув, недоверчиво потер опустевшее запястье.

Бесхитростный трюк, ничьей жизни не угрожающий, и все же относился он к магии теневой, а значит, полуночной. Еще одно доказательство того, что порой бескомпромиссное разграничение на рассветную и полуночную магию неоправданно, а агенты Трибунала – фанатики и глупцы, одержимые по-детски наивной идеей, что мир так легко поделить на черное и белое.

На губах Морриган заиграла улыбка, стоило только вспомнить, как малышка Клио донимала мать расспросами о том, почему две главные ветви магии называются именно так. И почему та, которой обучает дочерей Бадб (когда-то она пыталась привлечь к полуночной магии обеих), запрещена и наказуема.

От ответа Бадб в памяти осталось немного – Леди Ворон любила вопросы исключительно по существу. Например, как поглотить чужую душу или заставить человека задохнуться собственной тенью, словно туго обернутым вокруг шеи шелковым шарфом. На худой конец, в какой последовательности смешать травы, чтобы развязать человеку язык. Тогда, как умела, объяснила Морриган. Рассказала о том, что в древние века люди в большинстве своем были подвержены страхам и суевериям. Именно они решили, что мир, каким его знали сейчас, появился одновременно с Дану. А вместе с богиней-матерью появился и свет – прежде мир утопал во тьме.

Рассветные чары – это сила, которая олицетворяла Дану. Свет, жизнь, исцеление, созидание. Стихия – пока она не призвана, чтобы навредить другим, пока в чары не вплетены капли чужой крови. И ничья душа не отнята чужим колдовством.

Темные дела вершились в темное время. Только с приходом ночи на погосты, в некрополи и могильники приходили кладбищенские ведьмы, чтобы, оставшись никем не замеченными, унести в широких рукавах человеческую кость – необходимый атрибут для большинства их ритуалов, еще до рассвета превращенный в костяную пыль. Колдуны хаоса в ночи приносили жертвы Балору. После полуночи принимали свою темную, пугающую личину вервольфы и, сбившись в стаи, долго выли на луну. Охотились кровожадные бааван-ши, прячущие под платьями олени копыта, зная, что во тьме никто не увидит горящих голодом глаз, никого не испугает кровь на клыках, заострившихся и выросших вдвое.

Ночь надежно укрывала колдунов-отступников и существ древней крови складками темноты. А потому чары запретные, разрушительные, тайные называли магией полуночной.

МакМурри кашлянул в ладонь.

– Идем, – глухо бросил он. – Только сначала верни мне часы.

Морриган картинно повела рукой в воздухе, шепча слова обратного заклинания, и пропажа вернулась из Вуали на положенное место.

Мрак комнаты, дверь которой распахнул перед ней МакМурри, вспугнули вспыхнувшие по щелчку свечи. Горели они странным призрачным светом, что выдавало в чарах не стихию, но трансмутацию⁴. В природе их мира такой призрачный голубоватый свет существовать попросту не мог, а значит, все это было ложным, наносным. Магический трюк, призванный создать особую атмосферу?

Разделенные пустым столом, они сели в кресла друг напротив друга. Морриган вынула из сумки филактерий с душой Клио и положила на темное стекло.

– Это то, о чем я думаю? – медленно проговорил МакМурри, глядя на яркую золотисто-белую энергию, что искрилась внутри сферы.

– Я не умею читать чужие мысли, – раздраженно бросила Морриган. Выдохнула, успокаиваясь. – Это душа моей сестры. Кто-то забрал ее в мир теней, притом весьма необычным

---

⁴ Трансмутация – изменение физических свойств объекта под воздействием чар. Более распространенное название – иллюзия.

образом. Я хочу знать, кто. – Замялась на мгновение. Она приучала себя в первую очередь думать о деле, оставляя эмоции за некоей невидимой гранью. И все же, не выдержав, выпалила: – И как она там.

Сфера с душой Клио заменила спиритуалисту шар, который часто можно встретить на рисунках, изображающих гадалок. Сжимая в руках тонкую, словно скорлупа, но прочную оболочку, он вглядывался в филактерий. Какие образы внушала ему энергия Клио?

– Что вы видите? – не утерпела Морриган.

– Странно...

– Что? Что именно?

– Ваша связь. – МакМурри покачал головой. – Она слишком слаба. Вы родные сестры? Морриган резко выдохнула через ноздри.

Слабая ментальная связь – закономерное последствие, когда в четырнадцать лет объявляешь себя вольной и получаешь полную свободу действий во всем, что касается выбора жизненного пути. В случае Морриган это означало уход из дома, от матери (пусть и не слишком живой) и родной сестры, и становление охотницей.

Не секрет, что подавляющее большинство вольных – полуночные и рассветные колдуны. Те, что способны магией проложить себе путь во взрослую жизнь, чарами уничтожить малейшие преграды. Чаще всего они становились наемниками. Магия помогала заработать на жизнь, особенно в тех провинциях и графствах, где не хватало штатных рассветных колдунов и полуночников, предоставляющих особые услуги.

– Будет что-то по существу? – Слова получаются не слишком внятными, когда цедишь их сквозь зубы.

На спиритуалиста пылающий в ней гнев не произвел ни малейшего впечатления.

– Мне просто нужно больше времени, чтобы настроиться на ее... ммм... волну.

– Так настройвайтесь. – Пламя сменил лед. – Разве не за это вам платят?

– Ты пока еще ничего мне не...

– Заткнитесь, ради Дану, и действуйте.

Существовали колдуны, что управляли другими, словно марионетками. Дергали за ниточки не самих людей, но их тени, заставляя своих жертв им вторить. Вот бы она могла слепить из МакМурри, словно из глины, послушного и молчаливого спиритуалиста. Или залепить его рот паутиной. Или...

– Какой из вопросов интересует тебя больше?

Морриган сощурилась, выискивая подвох. Не найдя его, позволила плечам немного расслабиться. Однако ни на дюйм не ослабила внутреннюю пружину.

– Она... – Напугана? Потеряна? Одинока? – ...в порядке?

– Относительно да, – сдержанно отозвался МакМурри. – Я не чувствую в ней ослепляющего страха. Она не умиротворена, конечно, не совсем спокойна, но... – он помолчал, подбирая подходящее слово, – сосредоточенна.

Прежде крепко сжатые, губы Морриган дрогнули, складываясь в улыбку.

– Это Клио, – просто сказала она.

Спустя время ментальная связь между МакМурри и Клио окрепла. Вглядываясь в сферу с ее душой, спиритуалист пересказывал все осколки воспоминаний, что та ему являла. Жаль, совсем не те, что интересовали сейчас Морриган. Яркие обрывки прошлого – когда их мать была еще жива, а их жизнь казалась такой простой, расписанной на годы вперед. Ощущение, впрочем, обманчивое: трудно назвать жизнь предсказуемой, когда ты – дитя легендарной Бадб.

В осколках воспоминаний не было ничего о том, кто поймал Клио в зеркальную ловушку.

– Я могу пообщаться с ней напрямую?

– Магия так не действует.

– *Ваша* магия так не действует, – поправила она.

Жаль. Очень жаль.

Морриган расплатилась со спиритуалистом, чувствуя жгущее изнутри неудовлетворение. Она могла бы попытаться через зеркала отыскать сестру в мире теней, но поговорить с ней все равно не сумела бы. А лишний раз видеть Клио *там*...

Не хотелось призывать на помощь Ника, но другого выхода Морриган не видела. Как и любая ведьма, всемогущей она не была, и все имеющиеся у нее ресурсы уже исчерпала. Оставалось надеяться на связи бывшего друга в Департаменте.

Ник появился в доме Клио час спустя и принес с собой очередное разочарование. Эксперты не сумели определить по спектрограммам вид чар, что Морриган, впрочем, ничуть не удивило. Если уж бывалые охотники, к которым она, скрепя сердце, обратилась за советом, за годы странствий по Ирландии не сталкивались ни с чем подобным, что могли знать агенты, просиживающие штаны в уютных кабинетах?

– Я попытался поймать След за пределами дома. Бесполезно. И соседи ничего подозрительного не заметили, – мазнув ладонью по лицу, устало сообщил Ник.

Итак, у них по-прежнему ни единой зацепки. Кроме души Клиодны.

Чем больше Морриган рассказывала Нику о проведенном в квартире сестры обряде, тем сильнее вытягивалось его лицо.

– Подожди... ты хочешь сказать, что вот здесь находится душа Клио? – потрясенно произнес он, указывая на сферу.

– Верно, – сухо сказала она. – А теперь мне нужно отыскать ее тело.

Ник смотрел на Морриган с сочувствием, и это безумно злило.

– Я разослал ориентировку агентам и патрульным. Спектрограмма Клио встроена в каждый портал в Кенгьюбери. Если она в городе, ее найдут. Но...

– Она не мертва, Ник, – не выдержала Морриган. – Ее душа здесь, а значит, она еще жива. И точка.

– Но ты... – Он шумно выдохнул. – Прости, но ты сама сказала, что в сфере душа Клио. Ее мысли, чувства, воспоминания... А значит, в ее теле не осталось ничего.

– Ты не понимаешь очевидных вещей, – резко бросила Морриган.

Может, даже чересчур резко. Но ее выводили из себя тон Ника, сочувствие и печаль в его взгляде, его причиняющие боль слова. Он говорил и вел себя так, будто Клио уже нет в живых. А это неправда.

– Может, это оттого, что ты никогда не рассказывала мне о своем ремесле? – с холодной усмешкой отозвался Ник. – Ты постоянно пропадала на чердаке или в лесу, творила чары, но лишь отмахивалась, стоило полезть к тебе с расспросами. Твердила, что я не колдун, все равно ничего не пойму. Вот и вся благодарность за то, что постоянно тебя покрывал.

Морриган помрачнела. Спасибо, что напомнил. Сколько ей тогда было? Лет девять? Десять? Жадная до всего, что касалось полуночной магии, она порой и впрямь перегибала палку, распространяя вокруг себя облако тэны. Поймай ее тогда отец Ника или его друзья из Департамента, ее ждали бы серьезные неприятности.

– Может, если бы ты мне открылась, я бы понимал больше? И не выглядел бы сейчас идиотом, изо всех сил пытаюсь понять, как человека с вынутой душой можно считать живым и невредимым?

Что-то в глазах Морриган заставило Ника осечься.

– Во-первых, «человек с вынутой душой» – моя сестра, Клиодна Блэр, и не смей ее обезличивать, – прошипела она. – Во-вторых, я не говорила, что она невредима, но это не значит, что я должна перестать лезть из кожи вон, чтобы ее найти! В-третьих...

Морриган заговорила длинную обличительную речь, в которой слово «идиот» звучало неоднократно и с заметной долей экспрессии, но произнести ее не дали. Помешал амулет зова на груди Николаса, внезапно загоревшийся красным.

Он не стал уходить в другую комнату, а тут же активировал амулет – простой, невзрачный на фоне золотого медальона Морриган в форме трикветра, украшенного капельками-рубинами. Перед Ником выросла полупрозрачная стена, по другую сторону которой находился совсем юный паренек с темными глазами.

– Сэр, пришло сообщение по вашему последнему запросу «КБ1».

Морриган вскинула голову, словно зверь, почуявший дичь. «КБ» в коде запроса, очевидно, обозначало «Клиодна Блэр», а один – степень приоритетности, некий маячок для младших агентов, собирающих для инспекторов информацию по тому или иному делу. Отрадно, что Ник присвоил делу об исчезновении ее сестры – не убийству и не нападению на политическую элиту – самый высокий статус. Впрочем, Морриган окончательно разочаровалась бы в нем, поступи он иначе.

– В Восточном квартале обнаружено тело девушки, предположительно принадлежащее Клиодне Блэр.

Морриган рвано выдохнула. Уточнив информацию и поблагодарив агента, Ник деактивировал амулет зова – безыскусную пластину серебристо-белого оттенка. Взглянул на Морриган.

– Идешь?

– Не-а, лучше посижу дома, журнальчик читаю.

Совершенно неподходящее время для препирательств, но скопившееся внутри напряжение давило, требовало выхода – хотя бы в виде мимолетной вспышки раздражения. Ник остался невозмутим. Наверное, за годы дружбы успел привыкнуть к тому, что легко и просто с ней не бывает.

Морриган выскочила из дома раньше него – нетерпение подгоняло. Ключ-плетение она так и не вспомнила, но создавать на двери новую магическую печать не стала. Не было ни времени, ни желания. Лишь одним коротким жестом, движением пальцев и слетевших с губ слов накинула на дверь призрачную рассветную паутину. В квартире Клио и поживиться-то нечем, но даже если какой-нибудь идиот покусится на то малое, что в ней есть... пусть пеняет на себя.

Морриган шла рядом с Ником, но мыслями находилась далеко от него. Ее сердце сейчас рядом с той, что лежала, бездыханная – *бездушная* – между домами Восточного квартала.

Портал-зеркало перенесло их на несколько миль, отозвавшись легким трепетанием в желудке, которое тут же исчезло. Ник уверенно вел Морриган вперед. Спустя несколько шагов она увидела агентов и зевак. В голове помутилось, окружающий мир поблек и расплылся по краям, лица смазались в едва различимые пятна, а голоса превратились в неразборчивый шум. Четким осталось только лежащее на улице тело.

Морриган подходила ближе, медленно сокращая дистанцию между собой и казавшейся такой хрупкой фигуркой. Шаги отзывались в голове ударами молота по наковальне.

Девушка полулежала, спиной прислонившись к стене. Лицо сердечком, рассыпавшиеся по плечам платиновые локоны. Это была она. Клиодна.

Морриган обдало могильным холодом. Не чары – эмоции, против которых на сей раз оказался бессилён даже хваленый самоконтроль. Когда глаза твоей младшей сестры бездумно смотрят в небо, хладнокровие куда-то исчезает.

И все же со стороны Морриган могла показаться даже равнодушной: лицо превратилось в маску, в глазах – ни слез, ни сожаления. Она не плакала, не тормошила бесчувственное тело сестры, не умоляла ее вернуться и задыхаться. Не было горя утраты, только твердое, как отколовшийся от скалы камень, желание исправить допущенную мирозданием – или судьбой – ошибку. Вернуть Клио к жизни во что бы то ни стало.

Даже сейчас, видя сестру бездыханной, Морриган отказывалась признавать ее мертвой. Клиодна Блэр была потомственной полуночной ведьмой, хоть и всячески скрывала этот факт от других.

А полуночные ведьмы так просто не умирают.

Глава 5. Леди Ворон

Видеть Клио такой – холодной, с белой, как снег, кожей – было невыносимо. Но еще тяжелей наблюдать, как агенты Департамента кладут ее тело в черный мешок.

Перед этим молодой эксперт осмотрел тело Клиодны и по спектрографии попытался распознать отпечаток чар. Морриган кривила губы, наблюдая за его тщетными попытками произвести на нее, хорошенькую ведьму, впечатление. Эксперт полностью оправдал ее ожидания и с треском провалился. Более того, он даже не понял, что лежащую перед ним девушку убили не здесь. С вырванной душой, которую наверняка заменила другая, Клио миновала портал-зеркало, ведущее в Восточный квартал, прошла несколько шагов и... умерла у одного из домов. Почему?

Кто заменил в теле сестры запертую в зеркале душу? Почему Клио? Кому помешала не признающая в себе ведьму ученица обыкновенной, не магической, школы и не слишком умелая зеркалица, главные дары которой – сострадание, жизнелюбие и доброта?

Столько вопросов, столько разбегающихся мыслей в голове... Не собрать. Как бисерины, рассыпавшиеся по мраморному полу.

Морриган затесалась среди зевак, чтобы лишний раз не мозолить глаза агентам. Охотников те не жаловали и из вредности могли запретить использовать магию на месте происшествия, восприняв это как вмешательство в ход расследования. В надежде обнаружить хоть какой-нибудь знак, который поможет расшифровать своеобразное послание, оставленное в доме Клиодны, Морриган вынула из сумки свечу и полуночный осколок.

Мир мертвых безмолвствовал.

Даже здесь, на улице, она видела клочья тэны, повисшие в воздухе как черно-сизый дым. Этот след, оборванный, уже порядком растаявший, оставляла за собой Клио, когда шла сюда. Однако даже в мире теней Морриган не могла соединить лоскуты тэны в цельное полотно, чтобы последовать за тем, кто наложил на сестру столь странные чары. И Николас, который какое-то время стоял неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям, к разочарованию обоих покачал головой. Все ниточки, которые могли привести их к убийце Клио, оборвались.

Морриган вернулась в дом сестры. В воздухе все еще витал шлейф ее легких цветочных духов. Оставшись в одиночестве и тишине, она лихорадочно размышляла. План, поначалу показавшийся едва ли не безумным, понемногу обрастал деталями и все отчетливее формировался в голове. В тот момент, когда Морриган твердо решила действовать, раздался настойчивый стук.

Зависнув в воздухе, ворон клювом стучал в закрытое окно. Любой другой счел бы это плохим знаком. Любой другой, но только не она.

Морриган открыла ставни. Черная, словно тэна, птица вспорхнула в комнату. Приземлилась на полу, чтобы мгновением спустя обернуться обворожительной молодой женщиной с изящными чертами лица и длинными иссиня-черными волосами. Мало кто догадывался, что в венах этой красавицы застыла такая же черная – мертвая – кровь.

– Здравствуй, мама, – спокойно сказала Морриган.

Та, конечно же, ничуть не изменилась. Все так же бесстыдно молода, на вид едва ли старше собственной дочери. Все та же горделивая осанка, приподнятый будто в вечном вызове подбородок. И ослепительная, неуывающая красота.

Бадб Блэр, легендарная полуночная ведьма. Леди Ворон – или же Леди Война, как называли Бадб те, кто не боялся сказать правду ей в лицо. Плохое о ней страшились говорить даже шепотом, ведь всем известно: у стен есть уши. А Леди Ворон, как никто другой, умела слышать голоса стен.

В воздухе густило напряжение. Ничего удивительного: когда они виделись в последний раз, Морриган была полуночной ведьмой, сейчас же – охотницей на полуночных ведьм.

– Морриган...

Голос Бадб звучал хрипло. За время, проведенное в обличье ворона, она понемногу разучивалась говорить, и каждая новая беседа с дочерьми давалась ей непросто.

Сила Бадб позволяла ей принять любое обличье, будь то птица или хищный зверь, но она неизменно выбирала ворона – символ утраты, горя и кровавых жертв. Наверное, вполне закономерно. Та, к чьим ногам прежде складывали трупы убитых на войне (развязанной самой Бадб или во имя Бадб), и та, что давным-давно была мертва, но отказалась навсегда покидать родной мир, воспевала смерть как неотъемлемую часть жизни.

Даже после смерти Леди Ворон не оставила дочерей. Хотя Морриган, которая унаследовала ее характер и часть способностей, Бадб благоволила куда больше, чем Клио. Она не могла отдать дочерям свою силу, львиную долю которой потеряла вместе с физическим воплощением. Не могла защитить их своей некогда невероятной по мощи магией – почти все, что у нее осталось, уходило на то, чтобы поддерживать существование в мире живых. Но она была рядом. Так часто, как могла. Правда, для Морриган встречи с матерью закончились, как только она стала вольной.

– Клиодна...

– Ты что-то знаешь? – встрепелась Морриган. – Видела, как это случилось?

Ей бы толику везения... Но не в этот раз – Бадб сокрушенно покачала головой. Разочарованно выдохнув, Морриган побарабанила по столу ногтями.

– Я знаю, о чем ты думаешь.

Еще бы. Она твердо встретила взгляд матери.

– И отказываться от задуманного не собираюсь.

– Может, лучше оставить все как есть? – Голос Бадб все больше походил на прежний: глубокий, грудной, с хрипыми нотками, в свое время очаровывающий и левоверных юнцов, и искушенных мужчин.

Морриган с упреком взглянула на мать, которая растирала ладонями руки и плечи. В пограничном состоянии между жизнью и смертью она отчего-то все время мерзла. Не помогли ни рассветная магия, которую призывали для матери Морриган и Клио, ни теплые шали, ни растопленный камин. Смерть, даже не отнимая души, все же что-то забирала. И, наверное, этим «чем-то» было живительное тепло, которого мертвым так недоставало.

– Ты предлагаешь мне смириться со смертью сестры?

– Смерть – еще не конец, – наставительно сказала Бадб.

– А только начало пути, знаю-знаю, – раздраженно отмахнулась Морриган.

В любимом изречении матери было зерно истины, и говорить подобное справедливо... о ком угодно, но только не о Клио.

– Только подумай – она всегда будет со мной рядом. Мы вместе, две прекрасные черные птицы, будем приглядывать за тобой.

– И кому от этого станет лучше? Кому, кроме тебя?

Они обе знали: Морриган не желала, чтобы за ней «приглядывали». Защитить себя она и сама как-нибудь сумеет.

Бадб ничего не ответила. Впрочем, все и так было ясно.

Легендарная Леди Ворон страдала от одиночества. И пускай посмертие открывало перед ней новые горизонты – возможность видеть то, чего не видят другие, наслаждаться свободой и изучать мир, раскинувшийся за ее черным крылом, – она все же... тосковала. Бадб хотела превратить трагедию с Клио в новую жизнь для них обеих.

– Нет, мама. – В голосе Морриган звенела сталь. – Клио мечтала стать врачом и помогать людям. Хотела учиться, любить и быть любимой. Завести семью. Забрав Клио, ты лишишь ее шанса прожить жизнь как нормальный человек, а не мертвая, перевоплощенная ведьма.

– То, что ты задумала... это слишком опасно и непредсказуемо.

– Мама, моя сестра мертва! Мертва, понимаешь? Сделать ей хуже я уже не могу!

– Можешь, – холодно возразила Бадб.

Морриган молчала, кусая губы. Мать была права. Но другого способа вернуть к жизни Клио она просто не знала.

– Если что-то пойдет не так... если она сойдет с ума или перестанет быть собой, я не стану ее мучить. Но я должна хотя бы попытаться. Неважно, чего хотим мы. Клио прожила слишком короткую – несправедливо короткую! – жизнь. И она ненавидит полуночную магию. Если ты превратишь ее в лича⁵...

– Ревенанта⁶.

Морриган скривилась, но исправляться не стала.

– ...и наделишь своими способностями, она будет в ужасе. От того, что ты сделала, в кого ее превратила, от своей новой сущности. Я это знаю. То, что собираюсь сделать я – меньшее из двух зол. А ничего другого нам и не осталось.

– Тебя действительно так волнуют чувства сестры? – Голос Бадб похолодел на несколько градусов, чувственные губы искривила ледяная усмешка.

Леди Ворон не привыкла отступать – правило жизни, которое Морриган впитала с молоком матери, и которое нередко доводило их до ссор. А ссоры между двумя полуночными ведьмами – разрушительное явление.

Морриган кожей чувствовала надвигающуюся бурю. Но первой оружие она не сложит.

– Представь себе, волнуют.

– Будь так, ты бы ее не бросила, – хлестко сказала Бадб.

Морриган будто дали пощечину. Оглушенная, она не сразу нашлась с ответом. Леди Ворон его и не ждала: распалась тут же растаявшими в воздухе перьями. Картинный, театральный уход. Казалось, она постоянно представляла себя на сцене, утопающей в ярком свете софитов.

Морриган ошиблась: бури не будет. В этот раз Бадб решила оставить последнее слово за собой.

Она медленно, очень медленно выдохнула, унимая раздражение и ярость. Чтобы успокоиться, прошлась по комнате, ненадолго задерживаясь то у стола со сферой, в которой искрилась душа Клио, то у шкафов, где аккуратным рядком стояли многочисленные книги. Никакой развлекательной литературы, сплошь философские труды, медицинские справочники, учебники по целительству (единственная магия, которую сестра признавала), по биологии и медицине. Она загодя готовилась к поступлению в институт.

Клио и в детстве постоянно подгоняла саму себя, и вряд ли с тех пор что-то изменилось. Читала до поздней ночи, зубрила или часами сидела в башне всезнающих цеури⁷, чтобы узнать

---

⁵ Лич – колдун, благодаря ритуалу некромагии сохранивший свое обличье после смерти и получивший способность находиться как в мире мертвых, так и в мире живых. Однако пребывание в последнем ограничено – некротическая энергия, замещающая личу жизненную силу, быстро иссякает и личу, рано или поздно, приходится возвращаться в мир теней.

⁶ Ревенант (фр. Revenant – «вернувшийся») – разумная нежить, ходячий мертвец, сохраняющий душу и принадлежащее ему при жизни тело. В зависимости от мастерства некромага, ревенант может вернуть себе не только тело, но и собственную личность и колдовские способности. По какой-то причине большинство вернувшихся с того света предпочитают личу именно это понятие.

⁷ Цеури – загадочные жительницы башен, разбросанных по всей Ирландии. Молодые девушки, как близнецы похожие друг на друга. Источники постоянно обновляющейся информации, которую цеури считывают прямо из головы человека. В обмен он получает нужные воспоминания, знания и опыт других людей.

самую свежую информацию: новые рецепты целительных зелий, последние медицинские статьи и научные дискуссии.

Морриган поймала себя на мысли, что не думает о сестре как о мертвой. Сдаться можно лишь тогда, когда она перепробует все способы вернуть Клио. И пусть Бадб не одобряет ее выбор, Морриган пойдет до конца.

Она сжала в руках амулет зова, воскрешая в памяти образ Ника. Понадобилось время, чтобы ниточка ментальной магии дотянулась до сознания инспектора. Как только это произошло, Морриган увидела лицо бывшего друга, отгороженное от нее прозрачной стеной.

– Я хочу присутствовать при обследовании тела.

Прежде чем принять решение о вскрытии, эксперт Департамента обязан был провести полный осмотр, чтобы определить возможные наложенные на тело чары. Он ничего не покажет, раз даже мир теней не дал никаких ответов. Ей важно помешать проведению вскрытия.

– Морриган...

– Ник, я два года отлавливала отступников для Трибунала, на который работает и твой Департамент. Помогите мне понять, что сделали с Клио. Обещаю, я не буду путаться под ногами.

Ник какое-то время молчал, испытующе глядя на нее. В любой другой ситуации он наверняка не позволил бы Морриган вмешиваться в расследование. Но сейчас, когда дело касалось ее сестры и его подруги...

– Хорошо.

Из груди вырвался облегченный вздох. Портал-зеркалом Морриган добралась до Центрального квартала. Над входом в здание полицейского управления Кенгьюбери висело небольшое зеркало, которое на фоне выкрашенной в песочный тон стены выглядело довольно странно.

Морриган раздраженно поморщилась. Прежде зеркальных колдунов ценили за способность читать мир живых как открытую книгу (если речь шла о рассветных зеркальниках) или заглядывать в мир теней в поисках глубоко запрятанных тайн мироздания (в случае колдунов полуночных). Практикующие зеркальницы и зеркальники дорого брали за свои услуги, но без работы все равно не оставались. Многие становились охотниками и использовали силу зеркал для поиска отступников, нередко – в тандеме с боевыми колдунами.

Однако времена меняются, а магические способности при смещении крови имеют свойство слабеть. И те зеркальницы, чьих сил не хватало для мощных чар (а даже простое наблюдение за миром теней выпивало массу энергии), стали работать на Департамент и переквалифицировались в чтиц – агентов, способных считывать изображения со специальных зеркал, установленных рядом со всеми важными точками Кенгьюбери. Чтецы и вовсе не гнушались работой охранников в различных заведениях города – от баров до продуктовых магазинов. Это злило Морриган. Предать их науку, тонкую и сложную магию зеркальных чар!

Впрочем, каждому по способностям.

У входа ее ждал Николас. Темно-русые волосы вновь аккуратно уложены, сам он серьезен и сосредоточен. Держась рядом с инспектором и другом детства, Морриган миновала пропускной пункт и углубилась в лабиринт коридоров. Они спускались все ниже, пока не оказались в самом тихом и спокойном месте во всем здании. В морге.

Клио лежала на столе. Красивая, холодная и безучастная – настоящая ледяная принцесса. Не удержавшись, Морриган провела пальцем по обескровленной коже щеки, заслужив недовольный взгляд грузного мужчины с темными вихрами – по всей видимости, эксперта по чарам.

– Вескиль, это Морриган Блэр. Морриган...

– Я слышала, – сухо оборвала она. Вскинула голову, одарив эксперта изучающим взглядом. – Вы уже приступили?

– Нет, по просьбе Ника ждал вас. – В его голосе отчетливо звучало недовольство. Что это за выскочка, которая вмешивается в рабочий процесс?

– Так я уже здесь.

Ноздри Вескиля расширились. Ник покачал головой, пошлав ему красноречивый взгляд, и эксперт предпочел оставить свои мысли при себе. Он простер ладони над телом Клио, целомудренно прикрытым простыней. Морриган успела заметить слабое свечение, охватившее руки Вескиля от запястий до кончиков ногтей. Видела и сеточку паутинных чар, которые оплели тело сестры. Какой-то подвид магии истины, основанный на чтении энергетики, а не спектрографий или зеркал?

То тут, то там по бледно-золотистой паутине пробегали яркие темно-красные всполохи.

– Что они означают? – осведомилась она.

– Попытки воздействовать на ауру погибшей, – буркнул Вескиль, недовольный тем, что его отвлекают. – Чары, проще говоря.

– Вы можете их распознать?

– Могу попытаться, если перестанешь лезть ко мне с пустяковыми вопросами.

Морриган гневно сощурилась. «Возьми себя в руки», – резкий, как удар хлыста, приказ самой себе. Она должна знать, чьи чары затащили душу Клио в зеркало, чтобы виновный расплатился сполна.

Вескиль коснулся одного из багровых сгустков. Превратившись в подобие молниевый нити, тот послушно перекинулся на руку эксперта. В наступившей тишине Морриган отчетливо слышала стук собственного сердца. Вескиль пристально вглядывался в свою ладонь, которую оплели взятые с тела Клио чары. Долго – не меньше нескольких минут – изучал их, прежде чем сокрушенно покачать головой.

– Что это значит? – нервно облизнув губы, выпалила Морриган.

– Я впервые сталкиваюсь с подобными чарами. Точнее я отчетливо вижу зеркальную магию, что совершенно неувидительно. Но, кроме этого, есть еще одно плетение... Возможно, тот, кто убил твою сестру, применял чары, как-то связанные с миром теней.

– Возможно? – едко спросила Морриган. – Хорошо, но что это за магия? Теневая? Веретническая? Магия хаоса?

Вескиль снова помотал головой.

– От плетения остался только слабый остаточный след. Звенья порваны, недостает слишком многих, чтобы его классифицировать. Я попытаюсь найти совпадения в базе, но шанс очень мал. С такими исходными данными это как искать иголку в стоге сена.

Морриган разочарованно прикрыла глаза. Очередное поражение.

– Вы можете еще что-то узнать? Хоть что-нибудь?

– До вскрытия – точно нет.

Она быстро кивнула и посмотрела на Ника.

– Спасибо за попытку помочь. Мне пора идти.

Что-то странное отразилось в его взгляде. Неужели разочарование? Не мог понять, почему Морриган так спокойно восприняла смерть единственной сестры? Почему так холодна и сдержана? Что ж, раскрывать карты перед ним она не собиралась.

Ник кивнул, но провожать ее не стал. Задержался, чтобы перекинуться парой слов с Вескилем. Морриган это было только на руку.

Закрыв за собой дверь, она огляделась по сторонам. Убедившись, что коридор пуст, вынула из сумки осколок истины и свечу. Фитиль вспыхнул от одного касания пальцев. Стоило приблизить свечу к заговоренному зеркалу, и мгновение спустя в нем отразилась Вуаль – верхний план мира теней, отражение существующей реальности, в которой все тайное зачастую становилось явным. Завеса, отделяющая мир мертвых от мира живого.

Коридор в отражении тонул... нет, не во мраке, как казалось вначале, а в переплетающихся призрачных шлейфах, сотканных из самой тьмы. Энергия смерти, пропитавшая холодные помещения морга, в мире теней была видна как на ладони.

Морриган знала, что не добьется новых ответов на мучивший вопрос, но сейчас дар зеркала нужен был ей для другого. В пальцах зародился странный зуд, желудок сжался в твердый ледяной комок. Не впервые с возвращения в Кенгьюбери она собиралась нарушить обещание, данное себе пять лет назад. Однако с каждым разом заходила все дальше.

«Это ради Клио», – напомнила Морриган самой себе. Но вся ли это правда? Или помощь Клио – лишь благовидный предлог вернуться к полуночной магии, которая с рождения текла в ее крови? Поддаться влекущему зову, утолить жажду, которая порой не давала покоя? Кожей почувствовать пульсацию полуночной энергии в момент, когда брошено заклинание? Ощущение, которого ей порой так не хватало.

Морриган завораживало то, как тесно переплетены между собой ветви магии. Не дерево даже (образ, который часто использовали в пособиях для юных рассветных ведьмочек и колдунов) – скорей, паутина. Или, если требовалась более романтическая аналогия – кружевная вязь. Переплетение линий, складывающихся в изящный узор.

От зеркального дара, которую сестры Блэр унаследовали от Бадб, у Морриган после «перехода на светлую сторону» осталась только магия истины. Однако зеркальная магия все же нечто большее, чем просто ясновидческий, открывающий тайное, взгляд в зеркала. Куда сложнее и опаснее были теневые чары, использующие их как некое подобие портала в мир мертвых.

Кажется, настала пора для кратковременной ностальгии.

– *Kes amuada atgoín*, – прошептала она и дунула на огонек.

Он сравнялся цветом с миром теней, став пепельно-серым. Не погас, напротив, разгорелся с новой силой. Морриган поднесла свечу как можно ближе к осколку, опаливая пламенем его поверхность. Отражение подернулось рябью, напоминая озерную гладь. Рука со свечой прошла сквозь зеркало.

Черноволосяя девушка в отражении шагнула в ставшую мягкой и податливой, как пластик, стену. Настоящая Морриган Блэр просто исчезла.

Когда Ник с Вескилем вышли из комнаты, на ходу обсуждая рисунок чар на теле Клио, перед ними был лишь пустой коридор... и стены, сокрывшие в себе Морриган. Если бы инспектор, поднимаясь по лестнице, обернулся, он бы увидел черные глаза, прямо из камня глядящие ему вслед.

Когда мужчины скрылись, Морриган выскользнула из стены, морщась от едкого запаха полыни. Прямой контакт с миром теней всегда сопровождался проникновением полуночной энергии в мир живых. Она сильно рисковала, используя запрещенные чары в здании, которое кишело агентами Департамента. Рассветной магией Морриган развеяла полупрозрачную вуаль тэны. Вот оно, преимущество владения обеими ветвями магии.

Вынутая из сумки пустая, сотканная из воздуха и холода сфера опустилась на стол, где подобно прекрасной жрице, спящей долгим и безмятежным сном, лежала Клио. Сдернув простыню, Морриган отбросила ее в сторону. Положила руки на ледяную кожу сестры и прошептала: «*Eibias amorai*».

Тело Клио растеряло все краски – те немногие, что оставила ей смерть. Стало прозрачным, едва осязаемым, а затем распалось на мириады искр. Они превратились в серебристых бабочек и закружились по комнате, взбивая воздух в невидимую пену. Повинуясь воле Морриган, выстроились в ряд и серебристой лентой впорхнули в филактерий. Она провела пальцами по прозрачной стенке, запечатывая в ней брешь. Невольно улыбнулась, глядя на порхающие крылышки.

Клио любила бабочек. Морриган как-то предложила сестре коллекционировать самых красивых. Ответом ей был убийственный взгляд – редкий гость на милом личике сестры – и фраза: «Невозможно восхищаться тем, что мертво». Клио тогда едва исполнилось одиннадцать. Было лишь одно исключение – их мать, к тому времени прочно укоренившаяся в мире теней.

Морриган беспрепятственно покинула полицейский участок. Пользоваться портал-зеркалом не стала, чтобы лишний раз не попадаться в поле зрения зеркал Департамента. Оказавшись в доме сестры, выложила на стол оба филактерия.

В ее руках наконец-то оказались две половинки одного целого: душа и тело Клиодны Блэр.

Глава 6. Юдоль Печали

Клио больше не видела сестру. Последняя ниточка, связывающая ее с миром живых, истончилась, исчезла. И вроде бы за долгие годы странствий Морриган по Ирландии в качестве наемницы Клио должна была привыкнуть, что старшей сестры никогда нет рядом. Как оказалось, расстояние все же имело значение. Раньше их разделяли мили, сейчас – целые миры.

– Мама? – неуверенно позвала она.

Сгустившаяся вокруг тишина, как и положено ей, молчала.

Рано или поздно Леди Ворон вынырнет из глубин, что служили ей чем-то вроде колыбели. Найдет ее здесь, так близко от мира живых для Бадб и так далеко от потерянной прошлой жизни для самой Клио. А пока...

Она не могла просто ждать, пока мама откликнется. Просто ждать и надеяться, что Дану проложит ей путь из темноты к свету.

Клио сама создала подобие последнего, призвав простейшие рассветные чары, которым обучали даже детей. Искрящийся шарик какое-то время парил над ладонью, но как же быстро его поглощала темнота! Он тускнел на глазах, пока не исчез вовсе. В мире живых подобного никогда не происходило.

«Но я больше не в мире живых».

Клио попыталась еще, но с тем же успехом – свет погас спустя несколько секунд. Поглощали его не блуждающие тени, а складки вечной живой темноты. Они будто вытягивали рассветную силу. Слишком мало ее оказалось у Клио – отказ от какой бы то ни было магической практики на целых три года не мог пройти бесследно.

С призывом света что-то в окружающем пространстве изменилось. И хорошего в этом, увы, было мало. Грызущее изнутри чувство до жути походило на то, что предшествовало ее смерти. Клио опустила веки, лишая себя зрения, чтобы сосредоточиться на внутренних ощущениях. Заглянуть внутрь себя.

В детстве Бадб наотрез отказывалась учить младшую дочь рассветной магии. В одном только желании изучать ее мама видела едва ли не предательство. Приходилось добывать знания самой, и первое, чему научилась Клио – улавливать и распознавать знаки. Колебания энергии, след присутствия чужеродной силы. Ту же тэну, которую Ник мог видеть, она могла ощущать. Не так, как Морриган – горьким запахом полыни, а кожей, будто покрытой невидимыми символами Дану. Чары, которые она, тогда еще девятилетняя девчушка, намертво вшила в себя.

Морриган и Бадб, две сильные полуночные ведьмы, в ту пору смотрели на нее, рассветную, как на диковинку. Да и сама Клио часто гадала, отчего так слаба в полуночной магии. При этом постоянно ощущала живущую в ней рассветную силу, не слишком выдающуюся, но все же... Разумеется, она не могла оставить возникший в ее голове вопрос без ответа. Простудировала немало книг, прежде чем поняла, что вариантов могло быть только два. Первый заключался в том, что ее отец (о котором ни она, ни Морриган не знали ничего, даже имени) – рассветный. Причем столь сильный, что, невзирая на исключительный полуночный дар матери, Клио перепало и немного рассветного дара.

Стоило ли говорить о том, что вопрос об их отце Бадб в очередной раз оставила без ответа?

Еще одна версия больше походила на миф, нежели на научную теорию. Поговаривали, что порой Дану сама награждала души рассветным даром. Души, достойные называться истинными Туата Де Даннан – «народом богини Дану», древним племенем, от которого и произошли ирландцы. Многим современным ирландцам нравилось считать, что они по-прежнему могут называться туата. Что в них по-прежнему течет сила Дану-Даннан, пусть и разбавленная сме-

шением с кровью других народов, и ослабленная тем, что Дану больше не живет, как обычная смертная, среди них, не вдыхает в них свою силу. Однако полуночная магия была табу еще во времена Туата Де Даннан. Рассветная богиня отрицала, порицала ее.

И как бы Клио ни любила сестру и маму... Как они могли считать себя истинными туата?

Да и она сама не имела права считать себя таковой. Как и Морриган, Клио – потомственная полуночная ведьма. Неважно, что еще в тринадцать лет она отказалась от обеих ветвей магии, избрав путь обычного человека. От своего наследия не убежать. И как бы ни хотелось верить в то, что она при рождении была отмечена Дану... ет, все-таки не верилось. Будь так, ее рассветная сила затмила бы полуночную, а Клиодна Блэр была посредственной ведьмой в обеих магических ветвях.

Мысли об источнике ее смехотворной силы лишь ненадолго сбили концентрацию. Глубоко вздохнув, Клио заставила себя отринуть все лишнее, закрыться от помех. И тогда почувствовала, что пространство вокруг и впрямь изменилось. Будто сгустившаяся подле тьма прежде была слепа, а теперь впиалась в Клио цепким взглядом. Взглядом сотен глаз.

Тени! Она привлекла их внимание!

Будто псы, сорвавшиеся с поводка, они вихрем закружились вокруг – голодные, одичалые.

– Чего вы от меня хотите? – взвизгнула Клио.

Закрыла лицо руками, но неведомая сила, обхватив запястья, потянула назад. Словно желала распять ее, приковать к темноте, плотным маревом сгустившейся за спиной. Откуда у теней такая сила? Разве им не положено быть эфемерными? Или это те тени, что, усилием воли сохранив связь с миром живых, ночами врываются в дома людей? Те, о которых написали столько книг? Те, которым даже дали особое имя, отличающее их от прочих – призраки?

Одна из теней, что была ближе остальных (в тонком переплетении черт едва угадывалась юная женская натура), вдруг сплелась с ней в болезненном объятии. Клио отчетливо видела, как от ее тела отделяется призрачная оболочка – словно с луковицы снимают слой за слоем. Тень тянула из Клио энергию, крала ее силу... или подобие жизни, еще теплящееся в ней.

Как противостоять теням, Клио не знала. Корить себя некогда, и все же она корила – ведьма ведь, пускай и не практикующая, почти бесталанная, годами не призывающая на помощь родовую силу. Она больше других должна знать о мире теней.

Но когда тебе шестнадцать, последнее, о чем ты думаешь – это о смерти.

Клио зажмурилась и сжала в кулаки руки, по-прежнему захваченные в тиски. «Не позволю, не позволю». Она мысленно закрывала свою энергию от чужих жадных лап, от смертоносных – она ощущала это – прикосновений. Запечатывала силу внутри, в эфемерном сосуде, что назывался душой, а здесь, в мире мертвых, стал ее телом.

Была ли это рассветная ментальная магия, или рассветная защитная, или вовсе полуночная тeneвая, Клио не знала. Просто чувствовала, что в ее безотчетных, интуитивных действиях есть толк. Натиск ослаб, боль, разрывающая душу на части, притупилась. Тень уплыла прочь, шепча то ли оскорбления, то ли проклятия. Остальные растворились во тьме, разом потеряв к ней интерес.

Клио обессилено опустилась на холодную мертвую землю и свернулась в клубок. Она не знала, сколько пролежала так. Ожидание превращалось в муку, убивало смелость, мясницким топором отрубая от нее целые куски, кислотой растворяя остатки хладнокровия. Казалось, с каждой минутой мир теней отбирал что-то у нее. Что-то... живое, настоящее.

Может, именно так души себя и теряют, именно так и истончаются до теней?

Клио медленно, нехотя поднялась. Не могла больше оставаться на месте. Видеть, как тени кружат над ее головой, слышать стоны и рыдания тех, кто только осознал, в каком жутком месте оказался.

«Юдоль Печали», – вдруг вспомнила она. Так называли верхний план мира теней, своеобразный перевалочный пункт для неприкаянных душ, еще не смирившихся со своей смертью. И их жутковатых потерянных отголосков – теней.

Тоскливое постоянство разбавил новый звук, похожий на шелест крыльев.

– Мама, – выдохнула Клио.

Странно даже думать так, но здесь, в мире мертвых, Бадб словно искрилась энергией жизни. Или энергией совсем иной? Проведя несколько дней в мире живых, Леди Ворон начала увядать, что лишенная живительной силы воды черная роза.

– Дитя, – нежно Бадб, проводя по ее щеке тыльной стороной ладони, – мы с Морриган тоскуем по тебе.

Представить Морриган с тоской на лице не получалось. Злость, ярость, гнев – да, но тоска? Да и в блестящих глазах Бадб не разглядеть печали. Она отыгрывала роль безутешной матери – возвышенно-трогательную, но достаточно сдержанную, чтобы не начать причитать и в отчаянии заламывать руки.

– Как ты?

В голове бился крик: «Забери меня отсюда!»

– Я... в порядке.

– Неправда, – отрезала Бадб. – Но не волнуйся, я это исправлю.

Решимость в голосе матери лишь насторожила Клио – вместо того, чтобы подарить хотя бы толику спокойствия.

– Я обучу тебя всему, что знаю. И для темной науки представить места лучше невозможно.

Темная наука... Бадб предлагала то, от чего Клио бежала уже несколько лет. Магию. Полуночную магию.

– Я... – Слова рассыпались, затерялись во мраке. – Мне надо... подумать.

Последнее слово прозвучало едва ли не шепотом.

– Я не позволю моей дочери сгинуть в месте, которое стало моим домом, – обрубил Леди Ворон, без труда читая в ее глазах сомнение, протест и горечь.

Дом. Клио поежилась, словно островок темноты захлестнуло порывом ветра.

– И не позволю теням поглотить твою душу.

– Но как же Дану?

– Ты хочешь уйти к ней? – Судя по гримасе на лице Бадб, желание дочери стало для нее неприятным сюрпризом. – Оставить нас с Морриган одних на белом свете?

Клио беспомощно обхватила себя руками. Ну зачем она так...

– Может, я смогла бы стать хранителем рода? – робко улыбнулась она. – Наблюдать за вами из чертогов Дану и оберегать вас?

Леди Ворон насмешливо скривила губы.

– Прости, но ты слишком юна для хранителя рода. – Прочитав что-то новое во взгляде Клио, она поспешно добавила, смягчая тон: – Пойми, я говорю это для твоего же блага. Чтобы ты не питала ложных надежд. Да и Дану... Боюсь, тебя она не заберет.

Клио отшатнулась, ошеломленная. Перед глазами замелькали картины прошлого – как у утопающего или летящего с высоты в последние мгновения жизни. Учеба в школе, редкие посиделки с друзьями – редкие оттого, что у потомственной полуночной ведьмы по обыкновению немного друзей. Где и когда она успела запятнать свою душу?

– Дело не в тебе, – ласково проговорила Бадб. – Это расплата за то, что совершала я. За войны, развязанные мной.

«Ты разгневала Дану пролитой на ее землю кровью, а значит, прокляла наш род». Она никогда не сказала бы такое вслух. Никогда не обвинила бы маму, даже зная, что правда на ее, Клио, стороне.

– Я виновата перед вами, – сдавленно прошептала Леди Ворон. – Перед тобой. Дану никогда не одарила бы Морриган своим благословением. А вот тебя...

«Но ведь это ты обучила ее полуночной магии. Ты показала ей, как сладка темная сила, как соблазнительна охота на слабых и как почетна война, когда ты – та, кто ее развязал».

Чтобы Морриган родилась рассветной ведьмой, не стала охотницей и осталась с семьей, им нужна была другая мама. А свою Клио очень любила. Не вина Бадб, что самое важное для нее – величие, а главный ее девиз – невозможно получить власть, не пролив ни капли крови, своей или чужой. Она просто такой была.

– Позволь мне заглядить свою вину, – вкрадчиво сказала Бадб, сжимая руки дочери в узких ладонях. – Тем единственным способом, который мне доступен.

Клио давно научилась читать между строк. Она предпочитала видеть мир правдивым, пусть порой и уродливым в своей наготе. Леди Ворон была права. Путь к Дану для нее заказан, а значит, оставалась лишь дорога к глубине, к Юдоли Хаоса. Дорога, устланная одичавшими тенями, тенями-охотниками и охочими до чужой силы фоморами – демоническими тварями, слугами их короля, владыки смерти Балора.

И все же она колебалась.

Леди Ворон тактично (что было для нее внове) решила дать дочери время. И, приняв любимую личину с угольно-черными и едва различимыми здесь крылами, улетела куда-то по своим делам. Что за дела могли быть у матери в мире мертвых, Клио – что тогда, что сейчас – предпочитала не знать.

Острое, будто кончик ножа, одиночество. Звуки, что рвали безмолвие на части. Плач. Стоны. Стенания. Уж лучше тягостная, режущая уши тишина.

– Что мне делать? – спросила Клио темноту.

С самого детства она отстаивала право выбирать собственный путь, хоть удалось это и не сразу. Она выбрала обучение в обычной школе, затем в обычном, немагическом институте. Бессонные ночи за зубрежкой, лекции, практика и главная награда – диплом хирурга.

От Бадб ей, как и Морриган, перешел дар зеркалицы, позволяющий видеть скрытое от чужих глаз в зеркалах. Клио могла исцелять, правда, совсем немного, и отчаянно не хотела к этому привыкать. Потому что полноценной целительницей стать все равно не смогла бы. Недоставало таланта, родовой дар иной, да и резерв магии невелик. Восстанавливая порванные нити жизни, Клио быстро уставала, даже если речь шла о содранной коленке или порезанном пальце.

А еще... когда-нибудь она хотела семью – крепкую и, желательно, большую. Только вот родить для ведьмы значило отдать часть своего дара, даже если в ребенке он не проявится никогда. Клио не хотела привыкать к магии и к тому, что она делает жизнь легче, зная, что так будет не всегда.

Клиодна Блэр твердо решила не становиться ведьмой. Но так было до того, как она умерла.

Дрожа, она всматривалась в темноту, словно подспудно надеясь разглядеть сокрытые в мире теней знаки. Вроде тех, что в детстве с помощью свечей и зеркал искала в Вуали ее старшая сестра. Она очень хотела быть стойкой, но здесь, вдали от мира живых, отчаяние и страх заслоняли прочие чувства. Казалось, больше не будет ничего, кроме тьмы и одиночества.

Мир живых, пусть и сузившийся до размеров одной-единственной комнаты, давно исчез, забрав с собой Морриган. И пускай от Бадб Клио не ощущала тепла живых, а порой – и материнского тепла... сейчас ей не хватало мамы. Сколько минут, часов, дней назад она ушла? Казалось, будто целую вечность.

Однако духи, кружащие вокруг, словно присмирели. Наверное, Бадб напоследок рассеяла в воздухе свои чары. Какие бы сложные отношения их ни связывали, она всегда защищала дочерей. Подобно черной пантере, что, даже будучи раненой, рвется на защиту своих детей.

Бадб наконец вернулась, и Клио в порыве чувств подлетела к ней и уткнулась в грудь, только что бывшую птичьей. Не обнимала, просто стояла так, прижимаясь головой к материнскому плечу. Леди Ворон осторожно гладила ее волосы.

– Все хорошо, Клио. Я здесь. И если захочешь, никогда тебя не оставлю.

Глава 7. Окраины

Ник бешеным вихрем ворвался в дом. Черные полы пальто на мгновение взлетели в воздух, словно вороны крылья, чтобы мягко опуститься к ногам, обтянутыми идеально отглаженными брюками. Будет взрываться мир, а Николас Куинн выкроет пару минут, чтобы не оставить на своем наряде ни морщинки. Такими – идеальными, почти обезличенными в своей безукоризненности – и представлялись ей агенты Департамента.

Когда он успел стать... таким? Раздражение вспыхнуло внутри и тут же погасло. Какое ей, собственно, до него дело?

– Что-то не так? – спокойно поинтересовалась Морриган.

– Тело Клио пропало. А потом чтица по зеркалу слежения увидела тебя выходящей из полицейского участка, и произошло это за несколько минут до того, как Вескель обнаружил пропажу. Твоих рук дело?

Будь прокляты эти чтицы.

– Я никогда бы не пошла против Департамента, – вкрадчиво сказала Морриган, натягивая на себя тесную маску невинной овечки.

В конце концов, ее наставницей долгое время была не кто иная, как Бадб, в чьем арсенале – десятки масок.

– Ой, да брось! Ты вообще никогда не считаешься с другими. Я думал, ты изменилась, думал, что твое обращение к вере...

– Я всегда верила в Дану. Глупо не признавать существование богини-матери.

– Я думал, твой отказ от полуночной магии что-то да значит... – Ник безнадежно махнул рукой. – Ты не могла вынести тело Клио, не прибегнув к полуночным чарам. Значит, обращение к рассветной силе для тебя – пустой звук?

– Что-то я не замечала за тобой раньше особой любви к морализаторству.

Ник вскинул голову, в его взгляде читалась усталость.

– Морриган, мы были детьми. Ты была ведома матерью...

– Я никем никогда не была ведома, – процедила она.

– Ты хотела подражать ей. Это нормально.

– Забавно слышать это от тебя. Разве не по той же причине ты пошел по стопам отца?

– По той же, – не стал спорить он. – Но разве прошедшее с тех пор время не помогло тебе отделить зерна от плевел?

Морриган начинала закипать. Она и в самом деле должна тратить время на бессмысленный и старый как мир спор?

– Мы оба охотимся на колдунов-отступников, пусть и делаем это по-своему. Тогда почему я, в отличие от некоторых, не будем указывать пальцем, не спешу записывать любой призыв полуночной силы в список грехов?

– Может, потому что ты предвзята? – холодно отозвался Ник.

Морриган исподлобья смотрела на него. Длинные ногти впились в ладонь.

– Слушай, пока ты не переступила черту, можешь делать все, что захочешь. Твое дело. Твоя жизнь. Но ты хоть понимаешь, какие неприятности сейчас навлекла на нас обоих? Тело человека исчезло!

Она не спешила отвечать. Чуть наклонив голову к плечу, изучала Ника из-под прикрытых век. Забавно, как сейчас, с крепко сомкнутыми в кулаки руками, с горящим взглядом, он походил на призрак ее прошлого. В тот его момент, когда бросался на защиту Морриган и Клио от обидчиков, которые ядовито называли сестер «черными ведьмами». Справедливости ради стоило сказать, что чаще всего их гнев был не беспочвенным – слишком больно жалил

острый язык маленькой Морриган Блэр, и слишком сильно она гордилась своим полуночным наследием.

Он, обычный паренек, разве что наделенный способностью видеть тэну, которая перешла ему от отца, защищал ее, полуночную ведьму.

Зачем она вспомнила? Эти времена все равно не вернешь. Они изменились, все трое. Все изменилось.

В детстве Ник никогда ей не перечил, никогда и ни в чем не обвинял, какие бы темные Морриган ни творила ритуалы. Отшучивался, даже если была с ним слишком груба, перегибая палку в попытках отстоять свое право на лидерство. Обидеть его, казалось, невозможно вовсе. Тем непривычнее эти стальные нотки в голосе и суровый взгляд.

Ей бы вернуться в хаос настоящего, но прошлое никак не отпускало. Смеющаяся Клио, с еще темной копной волос, худой, как щепка, непоседливый Ник с белоснежной улыбкой на загорелом лице, до смерти серьезная Морриган, прячущаяся в тени от ослепительного солнца. Уже и не вспомнить – то ли она уверилась в мысли, что настоящая ведьма должна быть белокожей, то ли отчаянно пыталась походить на вечно бледную (даром что мертвую) мать. Почему-то в памяти всплывало именно это лето. Казалось, так, легко и беззаботно, будет всегда.

Глупая, вечности не бывает. Даже для девушек семейства Блэр.

– Ты вообще слышишь меня? Мор!

Ник никогда бы не назвал Морриган именем, которое так ее раздражало, без веской на то причины. Именем, которое, имея прочную связь со смертью, куда больше подошло бы Бадб, нежели ей самой. Значит, он в ярости. Плохо, очень плохо. До ярости бывшего друга как таковой Морриган не было никакого дела. Однако, украв тело из морга, она нарушила закон, а Ник, кажется, очень серьезно воспринимал свой новый статус. Если инспектор Департамента начнет вставлять ей палки в колеса или и вовсе доведет дело до суда...

Оправдываться бессмысленно – он знал достаточно, чтобы сделать верные выводы. Объяснять, что она задумала... Нет, Ник никогда этого не поймет.

Морриган опустила голову, глядя в пол.

– Я просто хотела сделать для Клио хоть что-то... – срывающимся голосом проговорила она. – Знаю, это противоречит всем мыслимым правилам, но у нас, ведьм, свои обряды. Я похитила тело Клио, чтобы... чтобы проститься с ней так, как могу.

Морриган не умела плакать. Бадб, которая взяла ее обучение и воспитание под строгий контроль, всегда твердила: слезы – это слабость. «Каждый раз, когда ты, словно безвольное дитя, позволяешь себе расплакаться, ты пробиваешь свой внутренний щит. И не дай бог рядом окажется тот, кто увидит твою уязвимость и воспользуется ею». Морриган с детства привыкла превращать свою боль в ярость и крушить все вокруг. Ярость – это сила. Так ее учила мать.

Слеза, покотившаяся по щеке, была фальшивой, вызванной магией и ничем иным. Ник подлетел к ней, сгреб в охапку и прижал к себе, встревоженный, растроганный таким редким для Морриган проявлением чувств. От его гнева не осталось и следа.

Мужчины... Пытаются казаться такими сложными, а на деле так предсказуемы и просты.

– Но... Морриган, вдруг вскрытие поможет нам найти убийцу? Разве ты не хочешь этого?

– Не поможет, – убежденно сказала она. – Я все перепробовала. И твой эксперт... Ты же его слышал. Кто бы ни сотворил это с Клио, он тщательно замел следы. Мне никогда его не отыскать, если только...

– Если только что? – Николас Куин покорно шагнул в расставленную для него ловушку.

– Если только я не спрошу об убийце у нее самой. Если церемония прощания с ведьмой пройдет по всем правилам, она никогда меня не покинет. Пусть и в обличье духа, но Клио всегда будет рядом со мной.

Ник выглядел сбитым с толку. Не его вина, что большая часть ведьмовских секретов навеки так и останется для него секретами. Он не знал и про Бадб Блэр, которая присутствовала

в жизни дочерей и после смерти. Морриган многое скрывала от него даже тогда, когда они дружили. Тайны всегда были неотъемлемой частью ее странной жизни.

– Прости, Ник, что так с тобой поступила. Но я не могла иначе. Я должна была пойти на это, не только ради себя, но и ради Клио.

Морриган рассчитывала, что ее слова окончательно растопят лед в сердце бывшего друга. Ему ли не знать, что извиняться не в ее правилах. И Клио... Она наверняка заняла особое место в сердце Ника. Светлая, искренняя, открытая, так непохожая на старшую сестру, она играючи завоевывала чужую симпатию.

Он тяжело вздохнул. Морриган услышала в этом вздохе невысказанное и спрятала довольную улыбку. В этом раунде победа осталась за ней.

– Тебе нужна помощь? С обрядом? – тихо спросил Ник.

Совесть кольнула острой иглой, но лишь на мгновение. Морриган улыбнулась так искренне, как только могла.

– Я справлюсь. Спасибо.

Ник потоптался на месте и, неловко попрощавшись, ушел.

Морриган задумчиво повертела в руках амулет зова, но пользоваться им не стала. Некоторые вопросы нужно решать с глазу на глаз. Накинув на плечи кожаный плащ и вставив в петлю на поясе плеть-молнию, она вышла из дома.

Окраины. Здесь проживали семьи, находящиеся у самой черты бедности. Еще не нищие, но уже почти отчаявшиеся изменить свою жизнь к лучшему. И все же недостаточно отчаявшиеся, чтобы жить в Ямах. Морриган остановилась у многоквартирного дома – редкое явление как для Кенгьюбери, так и для Ирландии в целом. Лестница на ее появление отозвалась недовольным скрипом, перил она старалась не касаться вовсе.

Наверняка большинство здешних жителей подрабатывали донорами для всемирно известной корпорации «Экфорсайз», производящей экфо – дорогостоящие, но незаменимые браслеты с магическими кристаллами, служащие агентам и охотникам экстренной «подпиткой». Или, что куда хуже, донорами совершенно неизвестных фирм, пытающихся повторить успех «Экфорсайз» менее законными методами. Легкие деньги, но взамен – полное магическое истощение. Поэтому у квартирантов не хватало энергии на починку дома, которая была нужна ему как воздух. Краска на стенах облупилась, в единственном окне зияла прореха, наскоро и не очень умело залатанная чарами.

Морриган постучалась в нужную дверь. Подождала несколько мгновений, прежде чем повторить стук. Нетерпеливо вздохнула. Обостренное ведьминское чутье подсказывало: за дверью кто-то стоит. И, судя по медлительности, гостей он не ждет.

– Мистер Клэнси, откройте.

За дверью зашевелились. Миг – и снова воцарилась тишина.

Морриган раздраженно фыркнула. Как утомительно следовать приличиям!

– Мистер Клэнси, это Морриган Блэр. – Тишина. – Открывайте, пока я не взорвала эту дверь к демонской матери!

В скважине завозился ключ. Вероятно, с чарами в семье совсем беда, раз они пользовались не расветной печатью, а обыкновенным замком.

На пороге показался Райан Клэнси. За месяцы, прошедшие с их последней встречи, он еще больше осунулся и будто... выцвел. И без того блеклые голубые глаза совсем потухли и стали практически белесыми. Спускающиеся ниже ушей темные волосы свисали неопрятными тонкими прядями, помятая одежда болталась мешком.

– Морриган, – настороженно произнес Клэнси.

Оттеснив его плечом, она прошла в квартиру – очень маленькую, скудно обставленную, но на удивление опрятную. Заметно, что хозяйничала в ней женщина.

– Келли с Эвелин только уснули. Пожалуйста, тише.

Морриган скользнула равнодушным взглядом по закрытой двери, ведущей в соседнюю комнату. Нахмурилась. Ощущение, появившееся, как только она вошла, обострилось, острее стал и горьковатый запах полыни. Морриган мельком осмотрела комнату сквозь осколок истины. Тэна... Она не клубилась плотным туманом, как в день гибели Клио, но висела в воздухе рваными сгустками дыма.

Она не умела ткать след, собирая клубки тэны воедино, сплетая из них призрачный шлейф, который вел от источника чар к колдуну. Однако сейчас этого и не требовалось: последний стоял за ее спиной.

Долго искать не пришлось. Самый большой сгусток тэны обнаружился у одного из ящиков ободранного, по всей видимости, котом, комода. Морриган уверенно потянула на себя ящик, игнорируя протестующие вопли Клэнси, позабывшего о спящих жене и дочке. Содержимое зазвенело. Изогнув бровь, она окинула взглядом зачарованные кольца, браслеты и ожерелья для не особо придирчивых покупателей. От них всех фонило запрещенной магией. Разбираться, какие на безделушки наложены чары, Морриган не стала. Будто у нее и без того мало дел.

Развернувшись, она в упор посмотрела на Клэнси.

– Взялись за старое? – Ни капли упрека – она ему не мать и не жена, чтобы диктовать, как жить. Злило ее другое. – Хотя бы прикрывались получше, что ли. В следующий раз на моем месте может оказаться кто-то другой. Более... принципиальный.

Некстати на ум пришел Николас Куинн. Кто-кто, а он скорее умрет, чем нарушит букву закона. Зануда. Ладно, в свете последних событий это не слишком справедливо. Все же о том, что Морриган похитила тело Клио, Департаменту он докладывать не стал.

Клэнси виновато отвел взгляд, сгорбил плечи.

– Зарабатывать надо. Здесь вечно сыро... Эвелин болеет...

– Не давите на жалость, – обрнула она. – Всем нелегко. Вы бы лучше подумали, что будет, если вас поймает Трибунал. Как Келли в одиночку прокормит дочь?

– Я осторожен. Просто ты застала меня врасплох.

– Осторожен он, – пробурчала Морриган.

Пока Клэнси задвигал ящик обратно, поставила легкий экранирующий щит, впитывающий в себя остатки тэны. На какое-то время этого хватит, чтобы ищейки не унюхали у дома запрещенную магию.

Клэнси выпрямился, и она поспешно прекратила плетение рассветных чар. Не хватало еще прослыть сострадательной и мягкотелой охотницей. Репутация в их деле важна не меньше, чем боевое мастерство, которое Морриган с блеском подменяла магическим.

– Зачем ты здесь? – устало спросил он.

– Вернулась за долгом.

– Этого-то я и боялся.

– Мне нужно попасть в Пропась, – бросила Морриган, скрестив на груди руки.

На какое-то время Клэнси потерял дар речи.

– Но зачем?

– Не ваше дело, – бархатным голосом отозвалась она.

– Морриган, я... я не знаю, правда... Я слышал о Пропаси, но никогда там не был. Туда может попасть не каждый отступник. Только если он обладает нужной информацией и связями.

– Так найдите мне того, кто меня туда отведет! – теряя терпение, воскликнула она.

В соседней комнате послышались возня и шепотки. Келли и Эвелин проснулись.

– Морриган... – Клэнси отступал к стене под ее прожигающим взглядом, глаза его бегали из стороны в сторону. – Я правда ничем не могу тебе помочь.

Она подлетела к нему, схватила за шею и прижала к стене. Приблизив лицо к его лицу, прошипела:

– Полгода назад я могла сдать вас Трибуналу и потратить заработанное на новую красную помаду, но не сделала этого. Только благодаря мне вы не оказались в тюрьме, а ваша жена – на улице, с маленьким ребенком на руках. На вашем месте я не стала бы давать мне повод пожалеть о моем решении... и передумать. Я все еще охотница, а в вашем доме целая гуща тэны и безделушки, зачарованные запрещенной магией. Мне нужен человек, который проведет меня в Пропать, и вы мне его найдете!

Ослабив хватку, Морриган отступила на шаг. Из комнаты вышла изможденная светловолосая женщина, сжимающая в руке револьвер. Страшно представить, сколько денег Келли за него отдала. Вероятно, Окрайны оставались одним из самых опасных кварталов во всем Кенгьюбери, раз последние деньги Клэнси потратили на столь дорогую игрушку.

– Что происходит? – звенящим от напряжения голосом произнесла Келли.

– Просто разговор старых знакомых, – хладнокровно отозвалась Морриган.

Клэнси молчал, потирая шею со следами чужих пальцев.

– Райан, что эта девчонка хочет от тебя? – требовательно спросила Келли.

Рука ее, наведенная на незваную гостью, ни разу не дрогнула. Морриган даже на миг восхитилась силой духа этой хрупкой с виду женщины.

– Милая, это Морриган Блэр, вольная охотница. Я рассказывал те...

– Я помню.

– Она хочет, чтобы я нашел человека, который проведет ее в Пропать.

– Долги нужно возвращать, – спокойно сказала Келли, опуская револьвер.

– Но я понятия не имею...

– Дэмьен Чейз.

С лица Клэнси сошли все краски. Он испуганно переводил взгляд с жены на охотницу и обратно.

– Милая, я едва рассчитался с ним за тот раз!

– Вы, я смотрю, многим задолжали? – хмыкнула Морриган.

Келли остановила на ней холодный взгляд.

– Можно поспорить насчет того, насколько позволительно заявляться в мой дом, пугать мою дочь и душить моего мужа...

– Я его не душила.

– ...но мы действительно тебе обязаны. – Она повернулась к мужу. – С Дэмьеном мы как-нибудь разберемся. Вызови его.

– Хорошо. – Клэнси устало прикрыл глаза. – Я устрою тебе встречу с Дэмьеном – он отступник и, по слухам, живет в самой Пропати. Но я не уверен, что он согласится отвести тебя туда.

– Это уже мои проблемы, – пожал плечами Морриган.

– Я найду его, но на это может потребоваться время, – торопливо сказал Клэнси. Добавил, заметив ее недовольство: – Клянусь, я не сбегу. Нам... нам просто некуда бежать.

Выбора у Морриган не было. Назвав адрес Клио, она сухо попрощалась с супругами. Развернувшись, чтобы уйти, и едва не налетела на девочку лет шести, которая вышла из спальни. Светлые волосы, серые глаза, миловидное личико – вся в маму. В глаза бросалась ее худоба и нездоровая бледность кожи. Украдкой глянув через осколок, Морриган рассмотрела на груди Эвелин темное плетение чар. Не владеющим магией истины его ни за что не заметить.

Простая душница – легкое проклятие, вызывающее слабость и удушающий кашель. Похоже на работу кладбищенских ведьм. Наверняка проделки недоброжелателей или конкурентов Клэнси. Призвав толику рассветной силы, Морриган нарисовала в воздухе трискелион⁸

---

⁸ Трискелион – изображение трех спиралей, являющееся центральной фигурой древнего кельтского символизма. Трискелион называют «спиралью жизни», так как он обозначает либо священные элементы мироздания, либо цикл человеческой

– кельтский знак очищения и защиты от полуночной магии – и послала его в сторону Эвелин. Искорки осели на ее волосах. Проникнув сквозь кожу, они со временем очистят кровь и избавят малышку от проклятия.

Куда эффективнее расплести полуночные чары, и Морриган, хорошо знакомая с плетением, знала, за какую ниточку потянуть. Однако чужие нити жизни или же проклятия ускользали из ее пальцев.

Родители девочки, к которым Морриган стояла спиной, ее манипуляций не заметили.

– Эвелин, иди к себе!

Испугавшись тону матери, та скрылась за дверью.

– Дэмьен найдет тебя сам. Больше никогда сюда не приходи, – ледяным тоном сказала Келли.

Помедлив, Морриган перешагнула порог. Дверь тут же захлопнулась, замок закрыли на три оборота и, кажется, еще накинули сверху цепочку. Нелегко приходилось тем, кого не защищала магия.

К счастью, Морриган не из их числа. И слава Дану.

Глава 8. Дэмьен Чейз

Сменившая обличье ворона на человеческое, Бадб снова до хрипоты убеждала дочь, что ее затея обречена на провал.

– От воздействия столь мощных чар Клио может сойти с ума!

– Она сильная, мама. А еще, позволь напомнить, она ведьма. Сила, которую ты передала Клио при рождении, ее защитит.

– Ты ее мучаешь...

– Клио мертва, – оборвала Морриган. – И если я ничего не предприму, мертвой она и останется. А ты убеждаешь меня прекратить бороться. Я никогда на это не соглашусь.

Леди Ворон сложила руки на груди и одарила дочь тяжелым взглядом.

– Но с моей смертью ты смирилась.

– С тобой все было иначе, – отрезала Морриган. – У меня не было ни твоего тела, ни души, и ты... совсем другая. Для тебя смерть – привычное явление, магия смерти – твоя родная стихия. Клио ранимая, чуткая, впечатлительная. Ты можешь представить ее бредущей среди духов по миру теней?

Морриган резко качнула головой. Нет, она этого не допустит – во всяком случае, не сейчас. Смерть всегда одерживает верх над жизнью, но так быстро Клио она не получит.

Упрямство матери злило. Бадб сама признавалась, что ей часто снятся кошмары, мучают галлюцинации. Так смерть пыталась затянуть ее в свой омут, оборвать последнюю нить, связывающую ее с миром живых. А хрупкой и нежной Клио всего шестнадцать лет...

– Морриган, ты строишь воздушные замки. Ты даже не знаешь, где искать бокора⁹!

– Узнаю. Ты переживаешь за нее или за то, что снова останешься в одиночестве? – холодно поинтересовалась Морриган.

Леди Ворон приняла оскорбленный вид.

– Клиодна – моя дочь.

– И моя сестра. Если есть хоть один шанс вернуть ее к жизни, я готова вывернуться наизнанку, нарушить все мыслимые законы, но сделать это.

Жаркий спор прервал стук в дверь. Наградив дочь на прощание немим укором и недовольным покачиванием головы, Бадб обернулась вороном и выпорхнула в открытое окно. Морриган проводила ее взглядом прищуренных глаз, и только после этого отперла дверь.

Она ожидала увидеть Ника, Клэнси или трибуна, принесшего ей, официально зарегистрированной в канцелярии Трибунала охотнице, заказ на очередного отступника. Вместо этого увидела высокого незнакомца с коротко остриженными и бритыми по бокам темными волосами. Крепкие руки в карманах кожаной куртки, облегающие тело черные джинсы, на бритой части головы – россыпь кельтских рун. Холодный, даже хищный прищур серых глаз.

Молодой, лет на пять лет старше нее, чужак источал отчетливое ощущение внутренней силы.

– Дэмьен Чейз? – поняла Морриган.

Выдержала его взгляд. «Не на ту напал, милый. В гляделки я могу переиграть и самого короля демонов».

Он не оставил без внимания и ее белый кожаный костюм. Торопясь, сменной одежды с собой Морриган не взяла, а та, что висела в шкафу Клио, ей не подходила. Сестра была тоненькой и хрупкой, словно изящная статуэтка.

---

⁹ Бокор – черный жрец Вуду, способный воскрешать мертвых и создавать кукол, с помощью которых можно воздействовать на людей.

– Серьезно? Охотница? – Взгляд Дэмьена словно подернулся ледком. – Клэнси не сказал мне об этом.

«Потому что иначе ты бы не пришел».

Морриган внутренне подобралась, готовая остановить Дэмьена – хоть словом, хоть делом. Однако он не торопился разворачиваться и уходить. Решил дать ей шанс объясниться? Она мысленно фыркнула. Дэмьен Чейз скорей походил на человека, который сначала закопает твой хладный труп, а потом уже будет разбираться, что к чему.

Он вынул руки из карманов (запястья оплетали татуированные змеи, чьи головы весьма красноречиво заканчивались у фаланг средних пальцев) и прошел мимо нее в дом. Не спрашивая разрешения, вольготно расположился в кресле. Обескураженная такой наглостью, Морриган смотрела на гостя, красноречиво изогнув бровь.

Дэмьен в свою очередь без стеснения изучал ее. Насмешливо заметил:

– Что-то ты слишком маленькая для охотницы.

– Маленькая? – вспыхнула она. Усилием воли подавила возмущение, поняв, что именно этого Дэмьен и добивался – вывести ее на эмоции. Сказала подчеркнуто хладнокровно: – Мне рано пришлось повзрослеть. Как, полагаю, и тебе.

– Вольная? Что-то многовато нас в последнее время развелось.

Морриган неопределенно повела плечом. Люди – вестники перемен. А этот мир давно изменился.

– Зачем ты хотела меня видеть?

– Я ищу того, кто покажет мне вход в Пропась. Если, конечно, она – не миф.

– Как я понимаю, других кандидатов в проводники у тебя нет. Тогда вопрос: с чего ты взяла, что я открою вход в обитель отступников тебе, охотнице? Чтобы ты поубивала половину колдунов или всучила их в лапы шавкам Трибунала, торопясь выслужиться перед ними?

– Я никогда ни перед кем не выслуживаюсь, – процедила Морриган, но ее протест нахала только позабавил. – И, если твое имя заставило Райана Клэнси побледнеть, думаю, ты успел заслужить определенную репутацию. Но, как видишь, вызывать трибунов я не спешу.

– Так себе утешение.

Внутри поднималась волна раздражения. План и прежде казался трудновыполнимым, но проводник Морриган попался куда более несговорчивый, чем она предполагала. Впрочем, что с него взять? Дэмьен был отступником. Бесцеремонным, беспринципным, готовым идти против правил... но защищать свою стаю.

– Я тебе хорошо заплачу. Деньгами, чарами, чем угодно.

– Чем угодно, говоришь? – хмыкнул Дэмьен. Окинул ее с ног до головы оценивающим взглядом, словно впервые увидел.

– Сотри ухмылку со своего лица, иначе я сделаю это за тебя, – прошипела Морриган.

Не слишком разумно ссориться с единственным информатором, но, Дану всемилостивая, как же он раздражал!

На лице Дэмьена отразилась скука.

– Разговор окончен. Мне это неинтересно, – отрывисто бросил он, поднимаясь.

Морриган не могла позволить ему уйти. Ей нужен был бокор. Ей нужен был путь в Пропась.

Ей нужна была живая сестра.

– Стой!

В отчаянной, злой попытке задержать Дэмьена, Морриган схватила его за руку. В тот же момент ее отбросило к стене мощнейшим магическим импульсом.

Мгновения полета оборвались, когда ее голова со стуком встретилась со стеной. Сознание помутилось, но прежде она увидела глаза стремительно обернувшегося к ней Дэмьена. И готова была поклясться – они полыхали алым пламенем.

В горле запершило от заполонившего комнату запаха полыни. Как только мир перестал вращаться и раздваиваться, Морриган вскочила на ноги. Выхватила плеть-молнию и, подскочив к Дэмьену, ударила его искровым разрядом. Еще и еще раз. Молния касалась кожи ломаными фиолетовыми линиями, причиняя отступнику невероятную боль.

– Прекрати... – прохрипел он, падая.

– Прекратить? – Морриган была вне себя от ярости. Разрывая Вуаль, вытянула энергию из мира теней. – Eskies tala!

Дэмьен отлетел назад и впечатался затылком во входную дверь. Такая сладкая месть... И прозрачный намек – выход прямо перед тобой, большой ублюдок!

Он выставил ладонь, жестом прося ее остановиться. Потряс головой, приходя в себя. Глаза приобрели нормальный серый оттенок, но Морриган не усомнилась ни на мгновение: алый огонь в них не был плодом ее воображения.

– Подожди, я... Прости. Никогда не касайся меня так резко, слышишь? – глухо проговорил Дэмьен.

Она уже ничего не понимала.

– Это что, какая-то патология?

– Просто защитная реакция, – бросил он, тяжело поднимаясь с пола.

Морриган нервно рассмеялась. Ну уж нет. Произошедшее никак не укладывалось в рамки понятия «защитная реакция». Это какие-то сверхчеловеческие рефлексy! Она своими глазами видела: стоило коснуться его руки, и в следующее мгновение ее отбросило назад магическим импульсом. Невидимым, но хорошо ощутимым ударом.

– Теперь *мне* хочется, чтобы ты ушел.

– Я же извинился.

– Иногда этого недостаточно, – отрезала Морриган, до сих пор чувствуя пульсирующую в затылке боль.

Пожав плечами, Дэмьен развернулся, чтобы уйти.

– Хотя... если ты покажешь мне, где находится вход в Пропась... – вкрадчиво начала она.

– То, что я воспринял тебя как угрозу и, защищаясь, слегка переборщил, не означает, что я готов загладить свою вину, впустив тебя в Пропась. Я лишний раз удостоверился в том, что ты опасна для ее обитателей.

– Если отказываться быть покорной овечкой и не терпеть молча, пока тебя бьют, значит быть опасной, то я согласна, – ядовито сказала Морриган. Прикрыла глаза и медленно выдохнула. – Дэмьен, мне нужна твоя помощь.

Как оскорбительно – просить того, кто посмел броситься на нее, будто не поддающийся дрессировке пес!

– Это касается моей сестры. Она мертва, но...

На холодном, отрешенном лице промелькнуло подобие заинтересованности. Морриган поспешила этим воспользоваться.

– Есть шанс, что ее смерть можно... скажем так, предотвратить.

– Предотвратить то, что уже случилось? – изумился Дэмьен.

– Клио, как и я – потомственная полуночная ведьма.

Он вскинул брови.

– Ты – полуночная ведьма и при этом охотница? Не кажется ли тебе это лицемерием?

– Не кажется, – отрезала Морриган. – Для Трибунала я вполне законопослушная рассветная ведьма, но по своей природе я... та, кто я есть. И наша с Клио маленькая особенность дает некоторые преимущества – нас не так-то просто заставить навсегда покинуть мир живых. У меня есть тело сестры, есть ее душа, которую я вытянула из проклятого зеркала... Неважно. Теперь мне нужно отыскать бокора. Я знаю, что они скрываются от Трибунала в Пропаси.

– Как и другие отступники, – сухо отозвался Дэмьен, складывая руки на груди.

Крепкие, закаленные в драках руки. Даром что он явно был полуночным колдуном.

– Дэмьен, пожалуйста, – взмолилась Морриган. – Я никому не причиню зла. Мне нет дела до тех, кто прячется от Трибунала. На кону жизнь Клио. Я иду в Пропасть не как охотница, а как обычная девушка, которая хочет вернуть к жизни сестру.

Какое-то время Дэмьен пристально изучал ее лицо, словно пытаясь заглянуть в самую душу.

– Есть в тебе что-то... странное. Не внушающее доверия.

Правдурб чертов. Морриган бесстрастно пожала плечами.

– Меня воспитала мертвая женщина, прославившаяся талантом развязывать войны одним взмахом ресниц. Мне положено быть странной. И не внушающей доверия.

Дэмьен понимающе усмехнулся.

– Покажи мне Клио.

– Что? – задохнулась Морриган.

– Покажи. Мне. Свою. Сестру. Ты сказала, у тебя есть ее тело. Я хочу удостовериться, что это не ложь.

Морриган вонзилась зубами в нижнюю губу, угрюмо глядя на Дэмьена. Мало того, что она и так рассказала ему – незнакомцу! – больше, чем знал даже Ник, так еще и должна была выставить на обозрение сокровенное, не предназначенное ни для чьих глаз, кроме ее собственных – тело мертвой младшей сестры.

– Если я покажу тебе Клио, ты отведешь меня в Пропасть?

– Два условия. – Серые глаза сощурились. – Первое: однажды я требую с тебя долг. Ответную услугу.

Ну разумеется. В нынешние времена без подобных бартеров не обойтись. Да и отступнику выгодно иметь охотницу в должниках.

– Хорошо, – произнесла она, без особого, впрочем, удовольствия.

– Второе: перед путешествием в Пропасть я нанесу на твою кожу печать, которая заблокирует твою полуночную магию. Рассветная, так и быть, останется при тебе.

– То есть я, находясь среди опаснейших полуночных колдунов, окажусь практически безоружной? И стоит тебе шепнуть кому-то, что я – охотница, как меня тут же разорвут на мелкие клочки? – холодно поинтересовалась Морриган.

Усмешка Дэмьена была не теплее ее собственной.

– Видишь, мы оба рискуем.

Играть по чужим правилам – что может быть унижительнее для ведьмы? Она закрыла глаза, ненавидя его, ненавидя всех отступников в целом и весь мир заодно.

– Хорошо. Я согласна.

– Но ты еще не выполнила первое условие.

Морриган пробормотала под нос нецензурную фразу, но Дэмьен и ухом не повел. Бесстрастное, со скудной мимикой, его лицо казалось высеченным из камня. Впрочем, Морриган и сама не могла похвастаться широким спектром эмоций в своем арсенале. Ведьминская сущность, взросление под надзором устрашающей Бадб Блэр, а после – среди грубоватых охотников за головами наложили свой отпечаток. Наверняка и Дэмьен Чейз, молодой отступник с каменным лицом, полыхающими алым, когда им вздумается, глазами и невероятными рефлексам, хранил в своей душе немало тайн.

Морриган жестом велела ему следовать за ней. Подошла к столу и коснулась лежащей на нем сферы, снимая защиту. Рой серебристых бабочек взлетел к потолку, чтобы несколькими мгновениями спустя опуститься на пол и образовать человеческую фигуру. Клио спала безмятежным сном, даже не подозревая, какая борьба развернулась за ее жизнь.

– Красивая, – равнодушно заметил Дэмьен.

Чужая смерть его не пугала. Наверняка и ему приходилось терять близких и родных.

– Очень, – прошептала Морриган, глядя на миловидное личико сестры. Ей всего шестнадцать, а она уже мертва. Тряхнула головой, сбрасывая оцепенение: – Так ты мне поможешь?

Тяжелый взгляд глаз цвета пасмурного неба. Короткий кивок.

– Помогу.

Глава 9. Сделка с демоном

В шаге от Клио плакал худой вихрастый мальчишка. Исходящее от него сияние выдавало в нем душу, еще не потерявшую свет жизни во мраке мира мертвых. Тени как коршуны слетелись на его отчаянье и боль. На страх, что пожирал его светлую душу (а душа ребенка и не могла быть иной), на сладкие для них слезы, закипающие в голубых глазах.

– Куда исчезла мама? Она бросила меня, бросила?

К несуществующему горлу Клио подступил комок. Паренок умер рядом с собственной матерью, но, должно быть, провел в мире теней немало времени, раз темнота поглотила ее образ. Он вообще осознавал, что мертв?

Ох, только бы не ей сообщать ребенку такую жуткую правду.

Клио присела на колени рядом, но обнять мальчика не решилась. Не ее, незнакомки, прикосновения ему сейчас нужны.

– Я понимаю, как тебе больно, но прошу, оглядись. Ты не видишь вокруг какие-нибудь знаки?

Говорят, Дану помогает чистым душам. Проносит свой свет даже сюда, сквозь складки темноты. Но увидеть маяки дано не всем. Не всем позволено пройти в ее чертоги, дотянуться до верховной богини, матери всего сущего, владычицы магии и жизни. Что бы ни говорили другие народы, Дану благоволила не каждому ирландцу. Лишь тем, кто сумел сохранить чистоту души. Вероятно, за те души, в ком тьма довлела над светом, боролся король демонов.

Рыдания затихли. Мальчик шмыгнул носом и с надеждой воззрился на нее. Вытер нос рукавом тонкого свитера и взглянул наверх.

– Темнота жуткая. И я ничего не вижу.

– Точно? – расстроилась она.

Мальчишка, сморщившись, кивнул. Кажется, он собирался заплакать снова.

– Как тебя зовут? – мягко спросила Клио.

– Эрик, – всхлипнув, выдавил он.

– Эрик, я знаю, смотреть во тьму страшно, но попробуй еще раз. Попытайся разглядеть какие-нибудь светящиеся знаки.

Знать бы, на что похожи путеводные звезды Дану...

Эрик долго и старательно вглядывался в темноту, словно ученик – в написанное на доске. Крепко зажмурившись, помотал головой. Плечи его напряглись, кулачки сжались. А тени, что обступили его, заключив в круг, подступили ближе.

Клио вздохнула. Ей не разглядеть маяки за Эрика.

– А ему не разглядеть их вовсе.

Она резко повернулась на звук.

У незнакомца были светлые волосы, томный голос и скучающий взгляд. Как будто все, что творилось вокруг, смертельно ему надоело. И Клио, которая лишь недавно появилась в мире теней, успела опротиветь одним своим видом.

Она не стала спрашивать, прочитал ли незнакомец ее мысли или просто доверился чутью (Ник частенько посмеивался, что на лице Клио, как в зеркале, отражаются все ее мысли). Был вопрос, который интересовал ее куда больше.

– Почему?

– Тьма застилает ему глаза, – лениво отозвался незнакомец. – Слишком велик его страх, слишком сильна его боль, а тьма Юдоли Печали питается болью и страхом.

Клио мазнула взглядом по теням – терпеливым, выжидающим.

– Тени-охотники, – доверительно поведал незнакомец. – Они тоже питаются страхом. Поглощают его, чтобы стать сильнее.

– Для чего?

Любая сила не могла существовать сама по себе, без какой-либо на то цели. Даже темная, злая.

– Чтобы прорубить себе путь в живой мир, – брезгливо поморщился незнакомец. Очевидно, мания теней его не коснулась.

Клио закусила губу. Те призраки, что пугали людей, обитающих в домах, которые принадлежали умершим при жизни, те, что сбрасывали книги с полок, открывали дверцы шкафов, пугая малышню, что скрипели по ночам половицами. . . Быть может, силу они черпали отсюда? Поглощая эмоции душ, лишь недавно бывших живыми людьми?

– А ты, пигалица, неглупа, – хмыкнул незнакомец. – Поумнее большинства представителей своего вида.

– Моего. . . вида?

Среди теней могло найтись немало тех, кто причислял себя к людям исключительно из упрямства. Клио попыталась понять, считает ли она, умершая, себя все еще человеком, но помешали вернувшиеся фантомные ощущения – подкатившая к горлу тошнота.

Да и не похож незнакомец на тень. Невысокий ростом, почти тщедушный, но под тонкой кожей ключом билась знакомая энергия, которую Клио в минуты сосредоточения ощущала и в Бадб, и, в меньшей степени, в Морриган. Мощная полуночная энергия, которой недоставало кружащим вокруг Клио теням.

Правда в том, что в мире теней обитали не только тени. . .

Клио остановила на незнакомце взгляд расширившихся глаз.

– Вы – фомор? – громко сглотнув, спросила она.

Побледнела, когда тот, ослабившись, кивнул. Шагнула в сторону, заслоняя Эрика.

При всей своей любви к истории Ирландии о фоморах Клио знала совсем немного. Ровно столько же, сколько любой среднестатистический ирландец. Когда-то фоморы обитали в мире живых и были слугами и подданными короля Балора, бессмертного правителя Ирландии. Вот только страна в те времена была иной. Мир был иным. Он утопал во мраке и хаосе, пока Дану не озарила его своим светом и своей магией.

Богиня-мать создала Туата Де Даннан, которых Балор, как ни старался, покорить не сумел. Их с Дану война для будущего короля демонов закончилась бесславно – вместе с фоморами он был низвергнут в мир теней. Тогда – навеки, казалось, запечатанный, отделенный от мира живых непроницаемой, непреодолимой стеной.

Из всех учебников и древних трактатов, что оказались в ее распоряжении, Клио так и не смогла понять, почему завеса между двумя мирами разорвалась. Почему однажды магия мира теней ворвалась в мир живых, породив полуночную магию.

– Но я думала, вы. . .

– Что? Одноногие? Однорукие? Одноглазые?

«А еще отвратительные и жуткие, да», – поежившись, подумала Клио. Однако вслух ничего говорить не стала.

Историки до сих пор спорили, всегда ли фоморы выглядели столь ужасно, как их привыкли изображать. Одноногость и однорукость объяснялась тем, что, одержимые желанием вырваться из мира теней, одной половиной тела они находились на теневых тропах, ведущих в мир живых, а второй были прикованы к миру мертвых. Уродство демонов Балора объяснить сложнее.

Некоторые считали, что сам мир теней изувечил их, изуродовал. Что энергия мира мертвых неизбежно меняет тех, кто постоянно ее касается. Другие – что обезобразили фоморов преступления против людей, верней, человеческих душ.

– Хочешь увидеть мою настоящую личину? – вкрадчиво поинтересовался демон.

– Н-не х-хочу.

Он радостно захохотал. Клио подавила желание развернуться и убежать.

«Куда бежать, глупая?»

– Я думала, вы обитаете в глубинах мира теней, – дрожащим голосом сказала она.

– Здесь я охочусь. – Фомор широко повел рукой. – Столько душ, жаждущих освобождения! Этого я, конечно, не могу им дать. Но могу подарить им силу, которую они алчут не меньше.

Ту самую, что в нем переливалась через край.

Эрик переводил испуганный взгляд с одного незнакомца на другого. Желание забиться в уголок читалось на его лице куда отчетливее, чем спрятанные в темноте маяки.

– А вы можете разогнать тени вокруг него?

Фомор прищурился, с откровенным любопытством разглядывая Клио.

– Зачем?

– Мне кажется, они заслоняют от него маяки Дану. Я знаю, они где-то здесь. Он должен, просто обязан их видеть!

– Какая отчаянная, жгучая вера. – Демон облизнулся, вызвав у Клио новый приступ тошноты. – Ну что ж, могу. Только не задаром.

– Что вы хотите взамен? – тихо спросила она. Знала, что плата будет немалой.

– Твою рассветную силу.

Клио растерла ладонями плечи, безуспешно пытаясь прогнать озноб.

– Не понимаю. Кем бы вы ни были раньше, сейчас вы – создания полуночного, мертвого мира. Полуночная магия – основа вашей сущности. Она питает вас, наполняет силой. Ведь так?

Ослабившись, демон продемонстрировал неестественно белые зубы.

– Кто-то увлекается фоморами?

– Скорей, кельтской культурой в целом, – возразила Клио, чтобы демон, напугавший ее до чертиков, сильно не задавался. – Но вы не ответили. Зачем вам рассветная сила – сотворение, созидание, жизнь? Разве она не должна быть для вас отравой? Разве не поэтому вы заключаете сделки с веретниками и веретницами, чтобы в чужой, человеческой шкуре проникнуть в мир живых? В мир, чей воздух ядовит для вас и словно усеян шипами и осколками?

Она замолчала, смущенная. Но кто из ее знакомых мог похвастаться тем, что говорил с настоящим фомором? Разве ей не простительна толика любопытства?

Демон склонил голову набок, усмехаясь уголком рта.

– А разве люди порой не пробуют яд, чтобы погрузиться в сладкую эйфорию?

– Хотите сказать, рассветная сила для вас подобна наркотику? – скривилась Клио.

Фомор пожал плечами.

– Мир теней навеки стал нашей ловушкой – Дану позаботилась о том, чтобы не пустить нас в свой мир. В таком месте, как этот, рассветная сила – единственный способ для нас... убежать. А еще напоминание о том, что мы потеряли.

«От себя не убежишь». Но не спорить же с демоном!

Клио обернулась. Эрик сидел на земле, уткнувшись подбородком в колени. Сколько таких, как он, светлых душ бродят по миру теней в поисках спасения?

– Как полуночная магия – твоя сущность, так и рассветная – часть меня. Помощь одной душе – недостаточно равноценная плата. – Она перевела на фомора твердый взгляд. – Научи меня разгонять теней, чтобы не заслоняли от душ знаки Дану.

– Маленькая ведьма торгуется? – удивленно-восторженно протянул демон. – Тогда она должна знать, что чары, которым я научу ее – если, конечно, не передумаю – принадлежат миру теней.

Кончики пальцев закололо. Клио отказалась изучать полуночную магию, отказала собственной матери, и притом уже дважды: в мире живых и мире мертвых. Однако она все равно настигла Клио. Неужели это и есть ее судьба?

– Я не уничтожу теней?

Фомор расхохотался.

– Думаешь, я вложу тебе в руки такую силу? Чтобы потом стая демонов самого короля Балора разорвала меня на куски?

Закономерно, наверное, что мир живых вторгся в мир мертвых, соседствуя с ним уже более четырех веков. И все же было странно узнать, что и в мире теней существовала своего рода иерархия: обычные, вероятно, слабые, низшие демоны и своеобразная элита – «демоны короля Балора». Клио так и подмывало расспросить поподробнее – дурацкая неумная натура! Жаль, время совсем не подходящее, да и источник информации мог оказаться не слишком достоверным.

– Вы неправильно поняли, я не собиралась уничтожать теней. Я хотела убедиться, что не причину им зла, только... отпугну.

Морриган наотрез отказалась бы ограничиться подобным – все-таки дело касалось теней-охотников, а не людей. Клио вздохнула. Стоило ли и после смерти продолжать гадать, к лучшему ли, что она совсем не похожа на сестру?

Фомор, сощурившись, наблюдал за ней.

– Интересная ты птица, маленькая ведьма. Уверена, что хочешь именно эти чары? Я ведь могу помочь тебе раз и навсегда избавиться от теней-охотников, идущих по твоему следу. Нет, не убить их. Породнить тебя с теми теньями, кто слаб и миролюбив, скрыть тебя среди них. Так ты сможешь незамеченной добраться до Юдоли Безмолвия, где тебя ждет покой. Все вы, души, этого хотите.

Клио невидящим взглядом смотрела вдаль.

– Что меня ждет, если я позволю теньям-охотникам себя поглотить?

– Уж точно не покой и безмолвие. Они разорвут твою душу на части, и части тебя будут жить в них. Твои воспоминания затеряются среди чужих. Ты забудешь всех, кого любишь.

– Все равно бы забыла. Там, на глубине, – прошептала Клио.

Она не останется здесь, бесплотной тенью рядом с матерью и сестрой цепляться за жалкие лохмотья жизни. Быть запертой в доме, где умерла, и одновременно – в Юдоли Печали. Поглощать другие тени в надежде, что однажды сумеет вывести на стекле свое имя, разбить чашку или распахнуть запертое окно.

Нет, это не жизнь. Или жизнь, но для кого-то другого.

– Там, на глубине, я расстанусь с прошлой жизнью, чтобы однажды обрести новую.

– Если доберешься.

Вскинув голову, Клио посмотрела на демона.

– Доберусь, – твердо сказала она. – Но до тех пор... Эрик и другие невинные души... Они получают то, чего по-настоящему заслуживают. Пусть мне не попасть в чертоги Дану, я могу сделать так, что они попадут.

Что-то странное проявилось во взгляде фомора. Он смотрел на нее, склонив голову набок и жуя серые губы. Так, словно пытался разглядеть всю ее душу до основания, до самих темных ее глубин.

– Ты знаешь, что такое «опустошение»?

– Я не фомор, – осторожно заметила Клио, – но догадываюсь.

– Я могу выпить твою рассветную магию досуха, и ты никогда не сможешь ее призвать. Та часть твоей души, что у ведьм и колдунов всех мастей до краев наполнена магической силой, будет иссушена, пуста, словно заброшенный колодец.

Клио стало холодно и неуютно, даром что и в мире живых она почти не обращалась к рассветной магии. Здесь, в мире мертвых, та и вовсе почти бесполезна. И все же сложно примириться с мыслью, что какая-то часть нее будет отнята навсегда.

– Но я не стану этого делать. Я заберу... не все, и ты останешься источником рассветной силы. Чтобы однажды я смог прийти за ней снова.

Разумеется, ему выгодно, чтобы рассветная энергия в ней не иссякала. Наверное, именно так рассуждали румынские стригои, трансильванские стрыги и ирландские ланнан-ши¹⁰. Их кодекс чести (не путать с законами их стран) запрещал убийства людей, но не запрещал постоянное кормление ими. К тому же такой подход куда более рационален. Можно высосать из человека всю кровь, убив его... и лишиться источника живой энергии. А можно позволить человеческому организму – не вечному, но все же исправному механизму – восполнить потерянную кровь, чтобы однажды явиться за новой порцией.

– Но знай, я рискую. В любой момент твоя душа может сгинуть, лишив меня оговоренной платы.

– Тогда к чему такой риск?

Она прикусила язык, кляня себя за любопытство. Зачем давать фомору повод передумать?

– В тебе есть кое-что еще, не уступающее магической силе и даже превосходящее ее, – отозвался он, задумчиво глядя на Клио.

– И что же это?

– Я назвал бы это духом. Твой дух поможет тебе выстоять, когда магия будет бессильна. Демон-философ. Пожалуй, теперь она видела все.

– Давайте начинать, – устало произнесла Клио.

Установление связи с демонами мира теней – сложный ритуал. Куда проще взывать к темным силам, не пытаясь докричаться до них сквозь разделяющую два мира завесу. Да и фомор уже рядом, а значит, не нужно прокладывать для него теневые тропы в мир живых.

– Я бы посоветовал твоему маленькому другу отвернуться, – приблизившись к ней, доверительно шепнул демон.

На губах задрожало «почему», но вместо этого Клио выдавила:

– Эрик, сделаешь кое-что для меня?

Вихрастый мальчишка торопливо закивал.

– Смотри вон туда, в темноту, и ищи там знаки, ладно?

Эрик послушно отвернулся.

Фомор коснулся ее правой рукой. Клио подозревала, что только эта рука у него и имелась, а все остальное лишь морок, иллюзия. Знала бы она, как скоро предстоит в этом убедиться! Левая рука демона тянулась к ее груди, истаивая на глазах. В момент их связи проявилась истинная личина фомора: изувеченное, словно расколовшееся надвое тело, покрытое буграми наростов, гниющими язвами и нарывами.

---

¹⁰ Стригой – молдавский и румынский дух-вампир, в которого превращается повешенный или просто злой человек. Стрыга – западно-славянская и карпато-балканская ведьма-упырица, пьющая человеческую кровь. Ланнан-ши (дирг-ду, «чудесная возлюбленная», Яблонева Дева) – ирландский вампир, кровожадная фэйри невероятной красоты, которая высасывает жизнь из мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.